
ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ

События в Варшаве по смерти Августа II. - Усиление партии Станислава Лещинского. - Поведение Франции. - Действие польских вельмож. - Россия требует исключения Лещинского из кандидатов на польский престол. - Декларации Франции и Австрии. - Конвокационный сейм. - Действия русского уполномоченного графа Карла Густава Левенвольда в Варшаве. - Понятовский, князья Чарторыйские, примас Федор Потоцкий. - Обращение противников Лещинского к России. - Россия и Австрия выставляют своим кандидатом на польский престол курфюрста саксонского. - Сопротивление Пруссии и сношения с нею. - Неудача Рудомины, присланного станиславцами в Петербург. - Избирательный сейм. - Большинство избирает Лещинского. - Протест меньшинства. - Приход русских войск. - Причины, заставившие Россию употребить вооруженное вмешательство. - Поход генерала Леси. - Избрание Августа III в польские короли. - Отношения между Левенвольдом и русскими генералами. - Образование конфедераций в пользу Лещинского, утвердившегося в Данциге. - Поход Леси под Данциг. - Миних сменяет его. - Миних берет предместья и бомбардирует город. - Переписка его с прусским королем. - Движение конфедератов на помощь Данцигу и неудачи их. - Неудачный приступ русских к Гагельсбергу. - Французская помощь Данцигу. - Первый бой русских с французами. - Сдача Данцига. - Поездки Левенвольда в Вену, Лейпциг и Берлин. - Сношения с Даниею, Швециею, Англиею. - Положение дел в Польше. - Успехи русских войск против станиславцев. - Миних в Польше. - Неудовольствие жителей Литвы. - Поход генерала Леси к Рейну на помощь к императору Карлу VI. - Столкновение России с Турциею. - Посольство кн. Голицына в Персию. - Причины турецкой войны.

По смерти короля первым лицом в Речи Посполитой Польской становился примас архиепископ гнезненский Федор Потоцкий, и этот первый человек, от которого так много зависело, был приверженцем Станислава Лещинского. Примас распустил сейм, распустил гвардию покойного короля, велел 1200 саксонцам, находившимся на службе при дворе Августа, немедленно выехать из Польши; это так напугало немецких ремесленников в Варшаве, что они поспешили продать свое имение и выехать из Польши вместе с придворными чиновниками; войска были двинуты к прусским и австрийским границам. Партия Лещинского явно усиливалась; сам примас однажды после обеда проговорился Левенвольду о своей приверженности к Станиславу. Левенвольд советовал своему двору действовать решительно, расположить войска на польских границах и двинуть их в глубь страны, как только потребуют обстоятельства. Франция и Австрия уже начали действовать деньгами: из Франции было прислано

более миллиона ливров, из Вены - более 100000 червонных: саксонский посланник давал в пользу своего курфирста ежедневные обеды на 40 человек. Торги шли деятельно, вельможи переманивались на ту или другую сторону не одними наличными деньгами, но и обещаниями выгодных мест в будущем: так, французский посланник маркиз Монти сманил люблинского воеводу Тарло на сторону Станислава обещанием коронного гетманства. Киевский воевода Потоцкий также добивался этого места и, видя, что Тарло выговорил его у Франции, обратился к австрийскому послу, а коронный маршалок Мнишек хлопотал о польском престоле для себя у Левенвольда.

В то время как в Варшаве шла эта живая, но тайная торговля, из Петербурга отправлена была к примасу грозная грамота, в которой императрица требовала исключения Станислава Лещинского из числа кандидатов на польский престол: "Понеже вам и всем чинам Речи Посполитой давно известно, что ни мы, ни другие соседние державы избрание оного Станислава или другого такого кандидата, который бы в той же зависимости и интересах быть имел, в которых оный Станислав находится, по верному нашему доброжелательству к Речи Посполитой и к содержанию оной покоя и благополучия и к собственному в том имеющемуся натуральному великому интересу никогда допустить не можем и было бы к чувствительному нашему прискорбию, ежели бы мы для препятствования такого намерения противу воли своей иногда принуждены были иные действительные способы и меры предвосприять".

Французское правительство, имея в виду преимущественно Австрию, сообщило через своих министров всем дворам декларацию, что поведение венского двора ясно показывает намерение его нарушить свободу поляков при королевском избрании; достоинство и значение французского короля и желание сохранить всеобщий мир не позволяют ему смотреть равнодушно, чтобы какая-нибудь держава нарушала права государства, находящегося в дружбе и союзе с Франциею; потому король объявляет, что будет всеми силами противиться намерениям стеснить свободу избрания нового польского короля. Венский кабинет отвечал декларациею, что император никогда не думал насильственно вмешиваться в избрание польского короля; по соседству с Польшею он должен желать, чтоб избран был человек ему невраждебный, но он будет стараться достигнуть этого мирным путем. Что касается отряда войск, собранного в Силезии и возбудившего подозрение французского двора, то это необходимая мера предосторожности на случай волнений, без которых не обходится королевское избрание в Польше: император имеет право располагать свои войска в своем государстве, где ему угодно, не отдавая никому отчета, тем более что сам никогда не спрашивал отчета в том же у других государей. Стороны высказались; противники стали друг против друга, готовые к бою.

27 апреля открылся конвокационный сейм, предшествовавший избирательному, и было постановлено, что в короли может быть избран

только природный поляк и католик, не имеющий своего войска, ни наследственной державы и женатый на католичке. Этим постановлением прямо исключали курфирста саксонского и всякого другого иностранного принца. По настоянию примаса сейм уполномочил его разослать универсалы на посполитое рушение и просить субсидий у иностранных держав, если бы соседние державы силою захотели препятствовать возведению Лещинского на престол, если бы которая-нибудь из них ввела войска в Польшу или в присоединенные к ней провинции. Наконец, было постановлено признавать врагом отечества того, кто провозгласит короля без согласия сейма, и было запрещено частным людям собирать войска под каким бы то ни было предлогом. Но когда надобно было присягать в исполнении всех этих статей, то многие сенаторы и послы отказались от присяги. Примас велел вычеркнуть из акта статью, запрещающую присягавшим брать взятки с кандидатов на престол, и ночью разослал своих приверженцев склонять других к присяге угрозами и деньгами. Средство, однако, не помогло; когда на другой день примас с крестом в руках начал первый присягать, то раздались сильные протесты; другие присягали с разными оговорками. Когда нужно было подписывать акт и потребовали, чтоб он был прочтен, то открылось, что в него вставлены были выражения, о которых сейм не знал. Многие подписались также с оговорками, многие послы уехали, не подписавшись, с намерением протестовать против всего постановленного на сейме. Все показывало, что державы, которые захотят действовать против избрания Лещинского, могут объявить себя защитниками вольного избрания и найдут на кого опереться.

Чтоб избавиться от присутствия на сейме опасных свидетелей, которые не имели обыкновения оставаться холодными зрителями явлений, примас хотел привести в действие давно забытый закон, запрещающий иностранным послам оставаться в Варшаве во время избирательного сейма. Но когда послам дано было знать, что они должны удалиться, то Левенвольд-старший отвечал, что не знает, будет ли он в Варшаве во время выборов, но если останется до этого времени, то очень сожалеет, что не может исполнить объявленного ему закона, потому что не может выехать из Варшавы без повеления императрицы; он прислан не для того, чтоб повиноваться польским уставам, особенно если они противны международному праву. Граф Вильчек отвечал, что пусть ему пришлют письменное объявление; он отправит его в Вену и будет ждать повелений императора, до получения которых не тронется. Вильчек прибавил и угрозу. "В Варшаве я безопасен, - сказал он, - хотя меня охраняет караул только в 30 человек, тогда как за городом мне трудно будет найти безопасное место, разве император увеличит мой караул на 30000 солдат".

Ни для кого не могло быть тайной, что могущественные соседние державы против Станислава, и потому его приверженцам нужно было для усиления своей партии действовать не одними деньгами, но и внушениями, что вражда соседей к Станиславу бессильна. Пруссия не станет действовать заодно с Россией и Австрией, Россия не захочет довести дело до войны,

Австрия же одна ничего не может сделать; притом Швеция за французские субсидии вышлет войско свое к устьям Вислы, и Турция не останется спокойною, если русские или цесарские войска вступят в пределы Польши: огромное татарское войско уже готово. Во главе Станиславовой партии стоял французский посол маркиз Монти, из поляков же способнее и деятельнее всех был коронный региментарь Понятовский, опиравшийся на родственников своих по жене Чарторыйских: примас был орудием в руках названных лиц. Левенвольд писал даже в Петербург о своих подозрениях, что самый видный по личным средствам из поляков Понятовский готовил престол не для Лещинского, а для себя, но избрание Понятовского, по мнению Левенвольда, было еще опаснее, чем избрание Лещинского. Затруднительность положения союзных дворов состояла в том, что из польской и литовской знати не было никого, кого бы можно было предложить в короли, притом все паны жили врознь и согласить их действовать в пользу одного из них не было никакой возможности.

Как бы то ни было, надобно было действовать, чтоб не пустить Лещинского на престол; надобно было составить партию, противную ему, без означения кандидата, партию, во имя которой можно было бы приступить в случае нужды к решительным мерам. Написана была и отправлена к русскому двору декларация от имени одобрительных, из которых, однако, никто не подписался под нею. Доброжелательные объявляли, что ввиду опасностей, которые грозят правам и вольностям отечества со стороны Франции и ее приверженцев, позволивших себе насилиями вынуждать присягу у своих собратий, они, доброжелательные, обращаются к союзным державам с просьбой о защите драгоценнейшего сокровища Польши - права свободного избрания короля. "Мы признаем королем того, кто окажется достойнейшим и кого даст нам бог, будет ли это пяс или *чужестранец*. Мы не обязуемся союзным дворам за оказанную нам помощь никакою вещественною благодарностью, но обязуемся только не предпринимать ничего такого, что могло бы нарушить вечную дружбу между нами и ими". Подписей, как сказано, не было в декларации, но из списка лиц, имения которых русские войска должны были щадить, мы узнаем, что этими доброжелателями были: Мнишек, великий маршалок коронный, Липский, епископ краковский, Сангушко, гофмаршалок литовский, Любомирские, Радзивиллы, Сапега, Шембеки, Браницкий, хорунжий коронный, и некоторые другие.

Партия Лещинского узнала о движениях доброжелательных и не могла оставаться равнодушною: депутация от Сената явилась к Левенвольду с требованием объявить имена тех, которые жалуются на притеснение во время конвокационного сейма и просят помощи императрицы. Левенвольд отказался назвать тех, кто у него бывает в доме, и прибавил, что людей, потерпевших насилие, нельзя порицать за то, что они ищут защиты, да и не в первый раз поляки обращаются к России с просьбой о помощи. Депутация спрашивала также, вступят ли русские войска в Польшу или нет? Левенвольд отказался отвечать на это сам, без спроса у своего двора,

но заметил, что поляки ищут помощи у турок и татар. Депутация жаловалась, что полякам мешают в вольном избрании того или другого кандидата. Левенвольд отвечал, что нельзя требовать от соседних держав, чтобы они хладнокровно смотрели на избрание короля, который не будет соблюдать с ними мира. Вскоре после этого объяснения обер-шталмейстер Левенвольд отправился в Петербург.

В Вене обрадовались и поспешили отослать проект договора к курфирсту, но в Петербурге не хотели спешить: принуждаемый необходимостью изменить своей постоянной политике относительно Польши и поддерживать сына Августа II в домогательствах на польский престол, прокладывая таким образом путь к наследственности, русский двор хотел по крайней мере хорошо вознаградить себя за это и обеспечить от опасности, хотя, разумеется, лучшим обеспечением служил характер курфирста, не способный тревожить покой соседей стремлением нарушить польскую конституцию. Россия требовала, чтоб Август, получивши польский престол, отказался от притязаний на Лифляндию и оставил нетронутым старый правительственный быт Курляндии, но Август не хотел принять на себя эти обязательства, зная невозможность исполнить их при ограниченной власти польских королей. Это несогласие охладило русский кабинет; при вторичном отправлении обер-шталмейстера Левенвольда в Варшаву он получил инструкцию в случае медленности курфирста удовлетворить требованиям России, хлопотать о возведении на польский престол князя Любомирского. Но дело уладилось между Россией и Саксонию, и 14 августа Левенвольд заключил в Варшаве с саксонскими комиссарами следующий договор: императрица и курфирст заключают на 18 лет оборонительный союз, гарантируя друг другу все их европейские владения и выставляя вспомогательное войско: Россия - 2000 кавалерии и 4000 пехоты, а Саксония - 1000 пехоты и 2000 кавалерии; курфирст признает за русской государыней императорский титул, а по достижении польской короны будет стараться, чтоб и Речь Посполитая сделала то же самое; обе стороны пригласят к союзу Пруссию, Англию и Данию; по вступлении на польский престол курфирст употребит всевозможное старание, чтоб Речь Посполитая удовлетворила всем требованиям России, основанным на договоре вечного мира (относительно земель приднепровских и прав православного народонаселения), чтоб отказалась от притязаний на Лифляндию; курфирст обязуется употребить все свое старание, чтоб герцогство Курляндское осталось при прежнем своем образе правления, и обещает не нарушать образа правления Речи Посполитой; императрица обещает содействовать курфирсту в его намерениях относительно Польши переговорами, деньгами, а в случае необходимости и войском, если только это может быть сделано без нарушения вольного избрания.

Россия решилась изменить своей прежней политике и обязалась пригласить к тому же и Пруссию. Та, как мы видели, и прежде была не прочь допустить сына Августа II к польскому престолу за хорошую долю в

добыче. И теперь весь вопрос состоял в том же. Но Пруссия была теперь раздражена тем, что надобно было вести еще новые переговоры с неподатливою Саксониюю, а между тем старый договор, в котором была выговорена такая богатая добыча - Курляндия, договор Левенвольдов 1732 года, не был подтвержден в Петербурге. В марте 1733 прусский посланник в Петербурге Мардефельд дал знать своему двору, что Саксония сильно хлопочет привлечь на свою сторону петербургский двор, обещает Бирону Курляндию. Фридрих-Вильгельм знал, что и Россия, и Австрия заключают выгодные договоры с саксонским курфирстом, и потому написал своему посланнику в Варшаве: "Если дело пойдет о саксонском курфирсте, то он должен прежде удовлетворить нашим требованиям, иначе персона его нам не годится". Курфирст медлил входить в сношения с Пруссиею; Фридрих-Вильгельм написал на докладе министров: "Надобно прежде выслушать, что Саксония хочет для нас сделать. Как скоро договор (Левенвольдов) будет подтвержден, я его исполню в точности; если он не будет подтвержден и Саксония будет умна, то я так сделаю, что император останется мною доволен: если Саксония ничего не сделает, то и я сделаю только ла-ла-ла-ла".

Чего же хотела Пруссия от саксонского курфирста? Кроме уступок в споре о землях германских (Юлих-Клеве-Берга и других) Фридрих-Вильгельм требовал, чтобы Август по восшествии на польский престол признал за ним королевский титул, на что до сих пор не соглашалась Речь Посполитая; благоприятствовал намерениям Пруссии относительно Курляндии; не мешал Пруссии оставить за собой уезды Эльбинский и Драгинский, заложенные ей Польшею во время Северной войны. Здесь хотя, кроме пункта о титуле, от Августа требовалось только благоприятствовать и не мешать, однако уже он связал себе руки обязательством стараться об удовлетворении известных русских требований; обязаться еще действовать в прусских интересах значило явно показать себя в Польше орудием чужой политики, плательщиком на счет Польши за услуги, оказанные королю соседними державами при достижении им престола; что же касается до уступок в Германии, то против них была Австрия; таким образом, Август находился между двух огней. В надежде, что Пруссия не решится действовать прямо против императорских дворов и что помощь ее не очень нужна при помощи России и Австрии, Август решился по возможности отделяться от тяжелых обязательств относительно Пруссии, представляя, что Фридрих-Вильгельм заключил союз с Россиею и Австриею прежде, чем он, Август, объявил желание взойти на польский престол: зачем же он будет платить Пруссии, когда она и без того должна действовать заодно с Россиею и Австриею по союзным обязательствам с ними? Потом, выставляя ограниченность королевской власти в Польше, Август обещал только соблюдать доброе соседство и оказывать прусскому королю всевозможные услуги.

Из Петербурга и Вены шли увещания Фридриху-Вильгельму не делать больших запросов саксонскому курфюрсту и действовать заодно с императорскими дворами в Польше. Из Петербурга внушали королю, что не должно смешивать вопроса об устранении Станислава с вопросом об избрании курфюрста саксонского; что первое необходимо точно так же для Пруссии, как для России и Австрии; что же касается до второго, то с курфюрстом вошли в сношения, потому что он один имеет в Польше сильную партию, которую можно противопоставить партии Станислава, а потом нужно также отвлечь Августа от союза с Францией; при крепком союзе между Россией, Австрией и Пруссией курфюрст саксонский не может быть опасен, если даже будет и королем польским; при ограниченности своей власти в Польше Август может обещать только добрые услуги относительно прусских требований; если же обещает больше, то поступит нечестно, обязавшись большим, чем сколько может исполнить.

Эти внушения только раздражали Фридриха-Вильгельма: не подтвердили Левенвольдова договора и заставляют даром действовать в пользу саксонского курфюрста, который в надежде на Россию и Австрию не хочет ничего сделать для Пруссии, прямо говорит, что прусский король обязан даром все для него сделать по своим обязательствам с императорскими дворами. Но где эти обязательства? Ни в одном договоре Фридрих-Вильгельм не обязывался препятствовать избранию Лещинского; правда, в одном договоре находилось такое обязательство, именно в Левенвольдовом, но сами Россия и Австрия не подтвердили этого договора и вместо португальского инфанта подставили саксонского курфюрста, не объяснивши прусскому кабинету своих побуждений. И зачем отдавать предпочтение Августу пред Станиславом? Лещинский при первой попытке нарушить польскую конституцию и повредить соседям легко будет задавлен соединенными силами союзников, окружающих Польшу с трех сторон, но курфюрст саксонский владеет большим и богатым государством, может распоряжаться своим многочисленным и хорошо устроенным войском. Притом сопротивление Лещинскому может вовлечь Пруссию в войну с Францией, в войну, опасную по разбросанности прусских владений: тогда надобно будет защищаться от французов на Рейне и в Невшателе, от поляков на прусских границах и от шведов в Померании. Если хотят, чтоб Пруссия действовала в интересах саксонского курфюрста, то пусть последний, исполнит требования прусского короля и обяжется вознаградить его за военные издержки. Фридрих-Вильгельм ограничил, наконец, свои требования одним прекращением спора о юлихском наследстве; Август не согласился, и Фридрих-Вильгельм объявил, что будет нейтральным в польских делах. Чтоб заставить выйти из этого нейтралитета, в Петербурге тронули опять нежную струну: императрица призвала Мардефельда и объявила ему, что она не ратификовала декабрьского (Левенвольдова) договора, потому что польские дела совершенно изменились, но, чтоб засвидетельствовать свое уважение к королю, она подтвердила сепаратную статью о Курляндии, и эту статью

граф Левенвольд возьмет с собою в Варшаву, но Фридрих-Вильгельм не прельстился и этим, потому что дела начали принимать серьезный оборот. "Я не могу растянуться на две стороны и разориться, - говорил король, - не могу воевать в одно время и с Франциею, и с Польшею".

В Петербурге должны были отказаться от надежды действовать втроем. Обер-шталмейстер Левенвольд возвращался в Варшаву, из Варшавы ехал в Петербург посол от примаса брацлавский постельничий Рудомина с жалобами на Левенвольда, зачем он уехал из Варшавы, не давши о том знать правительству Речи Посполитой. В письме примаса, привезенном Рудоминою, выражалась надежда, что императрица не нарушит свободы королевских выборов и будет зеркалом справедливости для прочих держав. Рудомина объявил, что прислан за советом, как утвердить внутреннюю тишину и обеспечить внешнюю безопасность Польши, потому что до избирательного сейма и во время его можно все устроить к общему удовольствию. Ему отвечали, что уже через обер-шталмейстера графа Левенвольда императрица объявила правительству Речи Посполитой, что она и союзники ее не только не хотят сами ничего приобрести от Польши, но ее величество не допустит никого другого отнять у республики хотя фут земли; императрица не стоит особенно ни за кого из кандидатов, хочет поддержать свободную подачу голосов, исключает только одного Станислава Лещинского, потому что он был всегда врагом России; избрание его она сочтет нарушением мира и будет препятствовать утверждению Станислава на престоле всеми силами, данными ей от бога. Для подлития масла в огонь Рудомина стал жаловаться на Левенвольда, зачем уехал из Варшавы, не давши никому знать об этом, и просил от имени примаса, чтоб в Варшаву был прислан посол русского происхождения. Ему отвечали, что Левенвольду не нужно было прощаться с примасом, потому что он уезжал на время, а русской императрице нельзя предписывать, каких послов держать ей в Варшаве; притом какого бы происхождения ни был посол, он действует по указу ее величества. Но этой бестактности и незнания положения дел со стороны примаса с товарищи было мало: Рудомина привез письмо от князя Вишневецкого к одному из князей Трубецких; Вишневецкий жаловался Трубецкому, что давно не получал от него писем, напоминал о происхождении их фамилий от одного рода (Гедиминова) и просил его как знатного сенатора противодействовать людям, советующим императрице послать войска свои в Польшу до избрания короля; уверял, что новый король будет соблюдать договор со всеми соседями, особенно с Россиею, по славянскому братству обоих народов; выражал надежду, что князь Трубецкой примет на себя звание полномочного посла в Польше, чтоб мирными средствами поддерживать согласие между обоими государствами. Младший Левенвольд достал копию с письма и переслал ее в Петербург с своими замечаниями, что Вишневецкие, Сангушки и Чарторыйские принадлежат к одному Гедиминову роду с Трубецкими, Голицыными и Куракиными и потому было бы очень опасно, если бы этот могущественный род достиг польского престола в особе князя Вишневецкого.

В конце июля опять приехал в Варшаву нежеланный обер-шталмейстер Левенвольд. Русское и саксонское посольства начали подвергаться оскорблениям, и на жалобы их примас отвечал, что не в состоянии никого защитить от народной ненависти. Левенвольд сказал на это: "Если нас от народной ненависти защитить не могут, то и я против козацкой пики защитить никого не могу".

25 августа назначен был избирательный сейм. К этому числу поля, прилегавшие к Варшаве, покрылись знаменами воеводств и поветов, сошедшихся на выборы. Но Литва стояла в отдалении, в Венгрове, за несколько миль от Варшавы; она была против Станислава, требовала уничтожения стеснительной присяги, установленной на созывательном сейме, требовала подтверждения уставов, изданных в 1717 и 1718 годах против Станислава. Главным деятелем между Литвою был Радзивилл, воевода новогрудский, и вообще Литва была склоннее ко внушениям из России, во-первых, по соседству, во-вторых, из страха, что ее области пострадают первые при вступлении русских войск, в-третьих, по врожденной оппозиции к короне, то есть Польше, а в-четвертых, наконец, вследствие подарков, получаемых влиятельными людьми от русских агентов Даревского и Ливена, разъезжавших перед тем по Литве с целью набирать противников Станиславу. Получив от примаса неудовлетворительный ответ на свои требования, воеводства Новогрудское, Минское и Подляшское образовали конфедерацию для сохранения *liberum veto*. Примас с товарищи старались уговорить их отстать от конфедерации, но напрасно, и тут Литве досталось много денег, потому что партии должны были бороться в ее лагере золотым оружием.

Сейм начался 25 августа, и начался ссорами, так что 29 числа региментарь литовский князь Вишневецкий перешел с своими приверженцами в числе около 3000 человек на правый берег Вислы в Прагу, за ним последовал краковский воевода князь Любомирский. Начались выборы в сеймовые маршалы, и партия Лещинского восторжествовала, потому что избран был киевский подкоморий Раджевский, свойственник Станислава. Но между тем слухи о приближении русских войск подтверждались все более и более, и приверженцы Лещинского издали 4 сентября манифест, наполненный проклятиями и угрозами против тех поляков, которые призвали эти войска. По поводу манифеста вожди противной партии имели свидание с примасом, и Любомирский говорил ему: "Вместе с своим манифестом вы должны издать и привести в исполнение другой манифест - против тех, которые хотели призвать сюда французов, турок и татар. У вас тот враг отечества, кто не стоит за Станислава, но разве у вас нет других кандидатов, более достойных? (Тут Любомирский указал на Сангушка.) Я объявляю, что не хочу такого кандидата, который вовлечет нас в войну с иностранными державами. Кто виноват в том, что русские войска приближаются? Станислав. Вы хвалитесь, что выгоните русских, но где у вас силы? Выйти против русских с горстью людей - значит заставить весь свет смеяться над Речью Посполитой. Но у вас есть другие средства

удалить русских: откажитесь от Станислава, пусть на выборах господствуют свобода и законность, и перестаньте говорить, что того, кто подаст голос против Станислава, надобно изрубить в куски, как врага отечества". Любомирский указал также на важное нарушение польской свободы, допущенное большинством; составление и пересмотр условий, на которых избирался король, отложены были до избрания.

Протест Любомирского произвел сильное впечатление, но большинство все же было за Станислава, который 9 сентября прибыл тайком в Варшаву, проехавши по Средней Европе под видом купеческого приказчика. На другой день, 10 числа, начались приготовления к выборам, которые должны были происходить в поле между Варшавою и местечком Волей. Здесь около большого деревянного здания (шопа), занимаемого Сенатом, расположилось до 60000 шляхты на конях. 11 числа, когда примас должен был собирать голоса, паны, стоявшие отдельно на правом берегу Вислы, прислали протест против кандидатуры Станислава, но примас объявил, что только тот протест считается законным, который высказан на поле избрания, в шляхетском кругу, или так называемом рыцарском Коле. Началось отбирание голосов. Восемь часов под проливным дождем объезжал примас верхом ряды избирателей и спрашивал, кого они хотят в короли, и повсюду слышались громкие крики: "Да здравствует Станислав!" Но меньшинство утверждало потом, что примас поступал недобросовестно, вовсе не спрашивал тех, которые открыто были против Станислава, быстро проезжал мимо подозрительных хоругвей, причем свита его при звуке труб и рогов кричала: "Да здравствует Станислав!" - и заглушала крики противников; меньшинство утверждало, что 40 хоругвей протестовало против избрания Станислава. Но никто не высказывался прямо и за курфирста; так, Любомирский на вопрос примаса, за кого он, отвечал: "За того, кто не вовлечет Польшу в войну"; кастелян радомский Малаховский раскрыл грудь и сказал громко примасу: "Здесь грозят изрубить в куски того, кто протестует против Станислава. Я протестую: кто посмеет изрубить меня в куски? Станислав на сеймах объявлен врагом отечества; где его заслуги? Разве то вменить в заслугу, что он с шведами опустошил наше королевство?"

Но как бы то ни было, к вечеру 11 числа большинство явно высказалось в пользу Станислава, меньшинство ночью ушло в Прагу, где всех сенаторов набралось теперь до 20, с свитою до 4000 человек; к ним присоединился и князь Сангушко, увидавши, что никто не высказался за него. 12 числа примас продолжал собирать голоса, и теперь никаких протестов уже не было, потому что меньшинство ушло. Это отдаление меньшинства, стоявшего в сомкнутом и потому грозном положении, сильно тревожило примаса, который понимал, что державы, враждебные Станиславу, обопрутся на это меньшинство. Он отправил в Прагу депутацию с просьбой, чтоб меньшинство присоединилось к большинству, долго дожидаясь возвращения депутации, наконец уступил требованиям большинства и провозгласил королем Станислава Лещинского, которого

торжественно ввели в костел Св. Яна. Между тем меньшинство не тронулось просьбами двух депутатий от большинства, оно выдало манифест, в котором жаловалось на уничтожение *liberum veto*, и отступило в Венгров, отбившись от наступавшего на него большинства.

Таким образом, торжество большинства и короля его далеко не было обеспечено. Никто не сомневался в приближении русского войска, а Станиславу нечего было противопоставить ему, ибо коронная армия существовала только по имени. Выдавши универсалы, призывавшие к посполитому рушению, Станислав 22 сентября выехал в Данциг в сопровождении главных своих приверженцев, также французского и шведского послов: здесь хотел он дожидаться французской помощи, также движения в свою пользу иностранных государств - Швеции, Турции и Пруссии.

Удаление Станислава не облегчило участи русского и саксонского посольств. Еще прежде Левенвольды должны были переехать в дом цесарского посольства: их дом был разграблен; к ним никого не пускали; все курьеры были останавливаемы, у них отбирали бумаги и распечатывали. Дом саксонского посла был взят кровопролитным приступом, посол должен был выехать из Варшавы. Наконец 30 сентября на правом берегу Вислы показалось двадцать тысяч русского войска под начальством Леси.

Что же побудило Россию действовать так решительно? 22 февраля 1733 года по указу ее величества было в Кабинете генеральное собрание, присутствовали министры, Сенат и генералитет, а именно: канцлер граф Головкин, генерал-фельдмаршал граф фон Миних; действительные тайные советники вице-канцлер граф Остерман, князь Черкасский, генерал Ушаков; действительные тайные советники князь Трубецкой, барон фон Миних, вице-адмирал граф Головин, тайный советник граф Головкин, и по выслушании реляции, присланной из Польши от камергера графа фон Левенвольда, рассудили следующее: 1) по русским интересам Лещинского и других, которые зависят от Короны Французской и Шведской и, следовательно, от Турецкой, до Короны Польской допустить никак нельзя; 2) для того отправляемые в Польшу министры должны усиленно стараться денежные и другие пристойные способы употреблять сообща с министрами союзников, чтоб поляков от избрания Лещинского и других подобных ему отвратить, для того этих министров надобно снабжать денежными суммами; 3) а так как может случиться, что вышеозначенные способы для отвращения таких вредных Русскому государству предприятий окажутся недостаточными и надобно будет силу оружия употребить, то признается нужным, без упущения времени, на самых границах поставить 18 полков пехоты и 10 полков конницы и расположить их в таком расстоянии, чтоб в случае нужды немедленно могли собраться и маршировать, а как скоро внешнее время наступит, собрать их в два или три корпуса и велеть их вывести к самым границам литовским и польским; 4) к

этому корпусу регулярно нарядить нерегулярного войска: донских козаков 2000, гусар украинских - сколько есть, слободских полков - 1000, из Малороссии - 10000, чугуевских калмыков - 150 да волжских тысячи 3; 5) к этому корпусу определить главного командира и прочих от генералитета с таким именованным указом, чтоб по первому требованию от главного министра ее величества, обретающегося в Польше, вступил в Польшу и действовал бы во всем по его определению. В собрание был приглашен князь Дм. Мих. Голицын; он не мог быть по болезни, потому кабинетский секретарь ездил к нему на дом, и, по мысли Голицына, в нерегулярное войско прибавлены калмыки.

Решение генерального собрания было исполнено, войско выставлено на границу, и 29 июня состоялось другое решение: партия Станислава в Польше очень сильна, подкреплена большими французскими деньгами и намерена действовать на собственные средства, чтоб провозгласить его королем; поляки, которые этого не хотят и которых немало, не будучи обнадежены в нашей действительной помощи и не имея подпоры в наших войсках, боятся оказывать явное сопротивление, и потому многие из них, составя письменную декларацию, нас и союзников наших призывают на помощь, и поэтому рассуждается: 1) что по русским интересам Станислава до короны польской допустить нельзя, ибо известно, что он Русскому государству отъявленный неприятель, так тесно связан с французскими, шведскими и турецкими интересами, что, кроме злых поступков, ожидать от него ничего нельзя; притом он по правам польским объявлен изгнанником и никогда не прощаемым врагом своего отечества, следовательно, может быть выбран в короли не иначе как с насильственным ниспровержением польских прав и конституций, а России крайне нужно не допускать их до нарушения, ибо если эти конституции нарушатся, то могут быть нарушены и другие многие, постановленные в прошедшую шведскую войну и касающиеся до России; 2) если допустить партию Станислава насильственно и скоропостижно выбрать его в короли, то трудно будет после его выслать и другого на его место поставлять.

На другой день послан был указ лифляндскому губернатору генерал-аншефу Петру Петровичу Леси, чтоб ехал немедленно к полкам Рижского корпуса, расположенным на польской границе, и приготовил их к походу так, чтоб мог выступить на другой день по получении о том указа. Такое же повеление было послано к генерал-поручику Загряжскому, начальствовавшему Смоленским корпусом. Одним из членов генералитета при этом корпусе назначен был генерал-майор Артемий Волынский, находившийся тогда в Москве по делам Конюшенного ведомства; ему велено было, передав эти дела кому-нибудь из находившихся при нем штаб-офицеров, ехать немедленно в Смоленск. Оба корпуса, Рижский и Смоленский, должны были соединиться и идти к Гродно под главным начальством Леси, которому было предписано по дороге обывателям отнюдь никаких обид не делать и, что понадобится, покупать за настоящую цену и платить деньги без удержания. Для этого штаб-, обер - и унтер-

офицеры получали полуторное жалованье, а рядовые - по три копейки на день.

31 июля Леси перешел русскую границу в Лифляндии и через Курляндию направил путь в Литву, откуда доносил, что все тихо, войсковых собраний и никаких других съездов нет; гусарские и панцирные хоругви стояли по квартирам, но в них было мало людей; знатное шляхетство в домах своих не сказывалось, объявляли, будто уехали в Варшаву, но некоторые приезжали к Леси и объявляли, что согласны с намерением русской императрицы, и бранили своих сенаторов, что заставили Россию вмешаться в польское дело вооруженною силою. 18 августа приехал к Леси Ковенского повета маршал Забело с просьбою, чтоб войска не делали никаких обид жителям, которые Варшаве не присягали и благодарны русской императрице за оборону Речи Посполитой и вольностей ее. 25 августа, не доходя до Гродно, Леси получил от Левенвольда письмо, в котором тот просил его спешить к Варшаве. Леси писал в Петербург, что более спешить, как он до сих пор спешил, не может, ибо, несмотря на страшную грязь, шел по три и четыре мили в сутки и во весь поход отдыхали только шесть дней, люди и лошади устали. 27 августа Леси пришел в Гродно. 13 сентября, не доходя местечка Нура, явились к Леси послы от конфедерации, поздравляли его с счастливым прибытием в Польшу, всенижайше благодарили императрицу за высокую милость и защиту и просили не оставить их при нынешних их крайних нуждах: они не могли сдержать сильного нападения Станиславовой партии при Варшаве, принуждены были отступить, причем потеряли несколько товарищей и часть обоза, и теперь находятся в осьми милях от Нура, в окопе под местечком Стременчином. Леси советовал им как можно скорее соединиться с русским войском.

В ночь на 20 сентября Леси явился с своим Рижским корпусом в Прагу и на другой день на берегу Вислы, против самой Варшавы, устроил батарею о пяти пушках; польская конница и пехота занимали противоположный берег и остров на Висле между Варшавою и Прагою. Между обоими войсками началась перестрелка, но с русской стороны она скоро прекратилась, потому что из наших полковых пушек ядер не доносило до польских батарей; урон с русской стороны был незначительный: двое убитых и пять человек раненых солдат. 21 числа приехали в Прагу епископ познанский и светские вельможи Любомирский, Радзивилл, Сапега, Огинский, Завиша, Понинский с большим числом шляхты, объявили Леси, что приехали для королевских выборов, и просили, чтоб главнокомандующий позволил им находиться под покровительством русского войска. Леси, обнадежив их, отправился вверх и вниз по Висле мили по две в каждую сторону для осмотра, где бы можно было переправиться на ту сторону к Варшаве, но не нашел ни одной лодки: все были переведены на ту сторону или изрублены; мост между Прагою и Варшавою был сломан и сожжен. Несмотря на то, усмотревши два удобных для переправы места, одно вниз, а другое вверх по реке, Леси выслал к ним отряды для постройки плотов.

22 сентября под неумолкаемую пальбу с варшавского берега, не причинявшую, впрочем, никакого вреда, поляки, приехавшие в Прагу, составили конфедерацию, маршалом которой выбран Понинский. 24 числа, в пятом часу пополудни, в полмиле от Праги, в урочище Грохове, сконфедерованная Речь Посполитая выбрала в короли Фридриха-Августа, курфюрста саксонского: после избрания были виват и стрельба, и потом в церкви Бернардинов отправлен благодарственный молебен; в русском войске также выстрелили 93 раза из пушки и 3 раза из ружей беглым огнем. 26 числа Леси, оставя при Праге генерал-майора Любераса с несколькими полками, сам с двумя драгунскими и четырьмя пехотными полками отправился вниз по Висле и в трех милях, у деревни Сухотино, стал переправляться на другой берег, причем польские отряды отступили без малейшего сопротивления, а 28 числа Люберас дал знать главнокомандующему, что отступило и то неприятельское войско, которое находилось около Варшавы. Скоро Леси получил письмо и от Левенвольда, что все войско ушло из Варшавы к Кракову. После этого Леси, разделив свое войско по недостатку продовольствия на две колонны, одну поставил в Скерневичах, другую - в Ловиче (оба места в десяти милях от Варшавы); здесь он хотел побыть для поправления людей и лошадей, пока получит известие о вступлении в Польшу нового короля Августа III. При Варшаве оставлено было четыре пехотных полка, один драгунский и несколько иррегулярных; кроме того, отряд из одного драгунского и трех пехотных полков поставлен был в Плоцке под начальством генерал-майора Густава Бирона. Но вместо известия о вступлении нового короля в Польшу в конце 1733 года Леси получил указ выступить к Данцигу против Станислава Лещинского.

Леси был рад уйти подальше от Варшавы, потому что тяжело ему было находиться под командою у Левенвольда. Леси, знавший только свое военное дело, человек скромный и без связей при дворе, не жаловался на могущественного обер-шталмейстера, но мы видели, что одним из отрядов командовал Густав Бирон, брат фаворита. Бирон 25 октября написал брату следующее письмо: "Здесь как высшие, так и низшие страшно недовольны, потому что старший граф Левенвольд, министр наш, неслыханным образом сурово с нами поступает; решения его так слабы и непостоянны, что почти каждую минуту их отменяет и сам не знает, чего хочет; войско наше разбросано и подвержено неприятельским нападениям; людей наших перед нашими глазами перехватывают: вчера унтер-офицер с четырьмя солдатами в плен взят. Этого бы ничего не было, если бы мы лучше охраняли заслуженную славу нашего войска, шли за неприятелем и его разогнали, но мы благодаря нашему министру теряем время, занимаясь посторонними и неважными делами, без всякой причины стоим в Варшаве с несколькими пехотными и конными полками; принуждены на 6 или на 7 миль фуражировать и за недостатком потребного пропитания почти пропадаем. Сверх того, люди наши никогда покоя не знают, но принуждены день и ночь работать, укреплять Варшаву, все улицы рогатками перегораживать, как будто неприятеля боимся, тогда как прежде

к нам было писано, что если б только 100 человек здесь было, то б все дело можно было покончить. Но министр никаких представлений не выслушивает и всем добрым распоряжениям генерала Леси препятствует и так нас обременяет, что терпеть больше нельзя. Кроме того, при всех здешних господах он говорит странные речи, будто некоторые из нас подкуплены были и потому медлили походом, хотя не было никакой возможности пройти с армиею 120 миль скорее, чем мы прошли. Но суровый министр наш не принимает никаких резонов, надобно, чтоб все только по его воле делалось. О пропитании войска нашего старания нет; вместо того чтоб неприятеля выгнать и о зимних квартирах думать, мы бездельно стоим в Варшаве и допускаем неприятеля усиливаться, а все это оттого, что министр возымел ложную мысль, будто неприятеля можно приклонить мирными средствами: здесь интриги саксонских министров, которые благодаря нам достигли своей цели и, может быть, теперь думают, что мы им больше не очень потребны. Между тем наше войско час от часу слабеет; генерал Леси не смеет слова выговорить, боясь нареканий от графа Левенвольда, который и с родным братом своим в ссоре".

Такие отношения между послом и генералами, препятствовавшие единству и быстроте движения войск, давали партии Лещинского надежду поддержать свое дело. В конце 1733 года в разных местах образовались конфедерации в пользу Станислава: сандомирская, составленная в Опатове люблинским воеводою Тарло; волынская, составленная в Луцке Михаилом Потоцким, воеводою бельзским; подольская, составленная в Каменце Стадницким; киевская в Житомире - Вороничем. Поляки думали найти сочувствие в русских, недовольных владычеством немцев в Петербурге, и потому в манифесте сандомирской конфедерации говорилось: "Яснее солнца для каждого, который исследует причины вещей и откуда встала буря на нашу вольность, что не русская монархия сама по себе была виновницею настоящей революции в Польше и в Европе, ибо эта революция в основании противна интересам России, которая сама находится под гнетом немецкой власти, стремящейся ко всемирной империи и ненавидящей нашу вольность, как соль в глазу. Видя, что насилие, учиненное нашему королевству московскими войсками, сделано не по совету доблестных вельмож, правдивых наследников российского имени, обязали мы нашего маршала объявить войскам российским и чинам панств московских, что с ними враждовать не желали бы".

Но человек, в пользу которого составлялись эти конфедерации, Станислав Лещинский, меньше всех ожидал от них проку; он очень хорошо знал, что эти нестройные толпы шляхты, как бы даже многочисленны ни были, не в состоянии держаться и против незначительных отрядов регулярного войска соседних держав. Вся надежда Станислава была на Францию, и то только в том случае, если бы она употребила большие усилия, если бы сделала с Августом III то же самое, что Карл XII сделал с отцом его, т. е. если бы ее войско заняло Саксонию и в Дрездене заставило курфюрста отказаться от Кракова и Варшавы. Станислав прямо писал своей дочери: "Если король

Людовик XV не овладеет Саксонией, то буду принужден покинуть Польшу и возвратиться во Францию". Но если для утверждения Лещинского в Польше необходимо было французам напасть на Августа в Саксонии, то для утверждения Августа в Польше русским необходимо было выгнать Станислава из Данцига, куда к нему на помощь легко могли явиться морем французы, а быть может, и другие союзники морем и сухим путем. Вот почему, как мы видели, Леси получил от своего двора приказание немедленно идти к Данцигу. Несмотря на то что в Польше находилось в это время тысяч пятьдесят русского войска, большая часть его была необходима здесь для сдерживания конфедератов, и Леси мог взять с собою к Данцигу не более 12000 человек. В январе 1733 года Леси занял Торн, жители которого присягнули Августу III и приняли русский гарнизон. Но жители Данцига решились твердо держаться Станислава в надежде на французскую помощь и на то, что и другие, особенно морские, державы не позволят разорить такой важный торговый город; присутствие французского посла Монти, французских инженеров и шведских офицеров поддерживало эти надежды, тем более что у них было втрое более людей, чем у осаждающих. Малочисленность войска, недостаток во всем нужном для осады и неблагоприятное время года не могли позволить Леси вдруг сделать что-нибудь важное, а в Петербурге торопились, боясь весны и появления французских кораблей с войском, и потому отправили под Данциг первую военную знаменитость империи - графа Миниха.

Мы видели, что по смерти князя Михаила Михайловича Голицына и заточению князя Василия Владимировича Долгорукого между русскими не было более военных знаменитостей из славной школы Петровой и немцы могли сделать своего фельдмаршала, которому спешили передать все высшие военные должности: Миних, как фельдмаршал, командовал армиею, был президентом Военной коллегии и воинской комиссии, генерал-фельдцейгмейстером, петербургским генерал-губернатором, имел над всеми империи Российской фортификациями вышнюю дирекцию, был шефом Кадетского корпуса, заведовал Ладожским каналом. Даровитый, энергический и сгоравший честолюбием, Миних брался за все, оказывал всюду большую деятельность, не щадя трудов, еще менее щадил слов для выставления этих трудов, для прославления своих заслуг, для указания беспорядков, которые были до него. Места и почести, которые посыпались вдруг на Миниха, только раздражали его честолюбие, он стремился захватить еще более, стать в челе управления. Бирона он не трогал. В Бироне заискивал, тем более что Бирон не был правителем, с ним легко было не сталкиваться, но трудно было Миниху не столкнуться с Остерманом, у которого была самая обширная сфера управления, который был давно уже первым министром на деле. И Миних столкнулся с ним, столкнулся даже в иностранных делах: мы видели, что Миних вопреки Остерману держался французского союза. Но Остерман привык считать за собою значение первого государственного дельца. Таким образом, два самых даровитых иностранца враждебно столкнулись, и, как русские вельможи должны были уступить первенствующее значение немцам

вследствие усобицы, переевши друг друга, так теперь и немцы начинают также усобицу, которая повлечет падение их партии. Остерман и неразлучные с ним Левенвольды начали подкапываться под Миниха, но самым лучшим средством для этого было поссорить его с Бироном. Фавориту начали внушать, что Миних опасен, что он приобретает час от часу большее влияние на императрицу, что он кончит тем, что овладеет полною ее доверенностию и оттеснит его, Бирона. Фанорит затрепетал за свое выгодное место и подослал шпионов наблюдать за Минихом; шпионы донесли, что фельдмаршал как-то невыгодно отнесся об обер-камергеру. Для Бирона этого было довольно: когда саксонский посланник жаловался ему на деспотический образ действий Миниха с иностранными купцами, то Бирон признался, что сам удивляется поступкам Миниха и жалеет, что так много сделал для этого хамелеона. Но надобно было спешить поправить ошибку, и вот Миних получает приказание очистить дом, который он занимал недалеко от дворца, и переехать подальше, на Васильевский остров, под предлогом, что прежнее помещение фельдмаршала нужно для принцессы Анны мекленбургской. Миних испугался участи Ягужинского и стал хлопотать об умилоствлении Бирона; общие друзья, боявшиеся, как видно, для себя усобицы между главными членами немецкой партии помогли ему; примирение последовало, но только видимое, а в 1734 году явилась возможность удалить неприятного фельдмаршала, поручив ему осаду Данцига, медленность которой приписывали, по крайней мере отчасти, медленности Леси.

Миних отправился под Данциг под именем артиллерийского полковника Беренса, но инкогнито не могло сохраниться: в Мемеле за несколько дней до его приезда уже знали, что едет Миних, а не Беренс. Из этого города 22 февраля Миних писал императрице: "Ваше императорское величество верно обнадеживаю, что я по прибытии моем к армии город Гданск так осадить чрез божию помощь уповаю, что из оног и в оный никто, кроме бомб и ядер, которые с стороны вашего величества туда посылаться будут, попасть не может, и с магистратом уповаю так поступить и город в такое утеснение привести, чтоб полную сатисфакцию вашему величеству, також и славу вашего величества войску подучить, ежели б только чрез помощь божию вскоре туда прибыть мог". 5 марта Миних приехал под Данциг с канцеляриею, небольшой свитой и с 13 тысячами тремястами червонных. Немедленно был созван войскового совет; Миних объявил повеление императрицы, не продолжая времени, поступить с городом неприятельски без всякого сожаления и представил, каким образом думает овладеть немедленно лежащими перед городом горами; генерал-майор фон Бирон был согласен с мнением Миниха, но генерал-майор Волынский, генерал-лейтенант князь Борятинский и генерал Леси остались при мнении, что с таким малым войском атаковать горы небезопасно, а надобно ждать артиллерии. 9 марта Миних донес о взятии приступом богатого предместья Шотландии, сильно укрепленного: неприятель побит, пушки, ядра и порох отобраны и русские обедают в Шотландии неприятельским хлебом; Миних писал, что нельзя описать и достаточно восхвалить храбрость офицеров и

солдат, которую они оказали при нападении, промаршировав всю ночь под дождем и сильным ветром. На другой день началось бомбардирование города; пушки и ядра были польские, взятые в Шотландии. "Бессильные французы, - писал Миних, - еще долго пробудут на море и меня отсюда не выгонят, ибо я знаю, что бог пребывает с оружием вашего величества; мне фураж на здешнюю армию нужен только до травы, и в провианте никакого недостатка нет, потому что Шотландия помогла". О данцигских вестях Миних сообщил, что Станислав болен и писал к французскому королю, что хочет сложить голову свою в Данциге; примас целый день пьян, маркиз де Монтви и Понятовский все делают.

Главное их дело состояло в том, чтоб побудить как-нибудь прусского короля подать помощь Станиславу; в Берлине боролись послы - русский Ягужинский и французский маркиз Шетарди. В июле 1733 года Ягужинский доносил из Берлина: "В дела польские сильным и явным образом вступить здесь склонности не видно, о чем мне откровенно министр Подвил сказывал: так как недавно заключенный договор не ратификован, то король в польские дела мешаться не обязан, к тому же положение прусских земель необходимо требует нейтралитета в польских делах: здесь хорошо помнят, в каких беспоконьях были при владении короля Августа, а теперь требуют возведения курфюрста саксонского на отцовский престол; цесарю в том находка, что сильную противную партию в деле наследства привлекает на свою сторону, но как же требовать от прусского короля помощи курфюрсту без всякого за то вознаграждения? Здешнему двору нет причины ни помогать курфюрсту, ни препятствовать Станиславу". Ягужинский писал, что король сказал цесарскому послу графу Секендорфу: "Хотя мне возведение на польский престол курфюрста неприятно и интересам моим противно, однако когда цесарь и Россия этого хотят, то я противиться не буду, сверх того, надеюсь, что русская императрица удержит поляков от нападения на русские земли, также надеюсь, что Курляндия будет отдана одному из здешних принцев". Ягужинский обращал внимание своего двора на то, что и французскому министру оказывается в Берлине большая ласка. Сам король говорил Ягужинскому: "Помогать курфюрсту саксонскому я не обязывался; притом же курфюрст у меня не заискивал, обращался только к двум императорским дворам; было постановлено возвести на польский престол или португальского принца, или кого-нибудь из поляков, а теперь за одного курфюрста усиленно увязались; какую может императрица встретить противность в Станиславе? Чем он может повредить, потому что король польский своею особою ничего не может сделать?" "Персона Станиславова, - отвечал Ягужинский, - не просто одна персона, но с целым королевством Французским связана, и дружбы к императрице, цесарю и к вашему королевскому величеству от него ожидать нельзя". Когда Ягужинский настаивал, чтобы Фридрих-Вильгельм действовал сообща с императорскими дворами и отправил корпус войск к границам, то король сказал: "Корпуса отправить нельзя, потому что если с двух концов свечу зажечь, то скоро исчезнет; цесарь требует, чтоб на Рейн еще корпус

отправить; да против поляков и не нужно большой силы: с десятью или двенадцатью тысячами их можно ко всему принудить".

Когда в Берлине были получены известия о двойных выборах в Варшаве, то король явно высказывал свое нерасположение к курфирсту саксонскому, а о Станиславе говорил, что готов заплатить миллион, чтобы только удержать его на престоле. Эти отношения объяснялись словами Фридриха-Вильгельма, сказанными Секендорфу: "От Станислава делаются мне предложения, а от курфирста ничего". И в 1734 году во время осады Данцига, провозглашая строгий нейтралитет относительно польских дел и готовность помочь цесарю по договору отрядом войск против Франции, Фридрих-Вильгельм продолжал оказывать свое расположение к Станиславу и твердить, что дела его еще могут поправиться. Шетарди и Понятовский, приехавший в Берлин от Станислава, предлагали Фридриху-Вильгельму признание Польшею его королевского титула, а Курляндию для его второго сына. С другой стороны, из Петербурга приехал в Берлин прусский посланник при русском дворе Мардефельд с предложениями от императрицы Анны - города Эльбинга, Курляндии по смыслу Левенвольдова договора и полосы земли в Западной Пруссии для непосредственного соединения Восточной Пруссии с Помераниею. Последнее предложение было особенно соблазнительно; король потребовал мнения у своих министров, и Подевилльс отвечал: "Польское дело еще не созрело, оно подвержено еще многим и сильным переворотам; дело состоит в том, чтоб Пруссию всеми неправдами притянуть на сторону Саксонии и втянуть в открытую войну с Франциею, притом Россия не надеется управиться в Польше без прусской помощи". Король порешил: "Мое намерение постоянно: оставаться в дружбе с Россиею, но не давать связывать себе руки. Воевать разом в двух местах - на Рейне и в Померании или Пруссии - невозможно; в одном месте, пожалуй, но в двух - нет! Я убежден, что Франция никогда не заключит мира иначе как с условием удержания Станислава на польском престоле; тогда я все мои завоевания потеряю, ибо для ради моих седых волос они не станут продолжать войну. Долго ли может продолжать войну император? По большей мере до 1735 года; без Англии и Голландии воевать долее невозможно, и тогда мне придется сидеть между двух стульев. Поэтому мое мнение - не принимать ничьей стороны. Мой честный, верный Ильген тысячу раз говаривал по поводу саксонского преемства на польском престоле: если бы Польша навеки уступила Вармию, Помореллию, Данциг и Мариенбург, то и тогда можно было бы сомневаться, было ли бы это выгодно для Пруссии; ибо если саксонец будет в Польше самодержавен, то со всеми этими приобретениями нельзя будет ему противиться; интерес Пруссии состоит в том, чтоб Польша оставалась республикою, ибо в таком случае она никогда не будет в состоянии предпринять что-нибудь важное против Пруссии по причине бессвязности польского правительства". С этим Мардефельд и поехал назад в Петербург.

Порешивши соблюдать нейтралитет, Фридрих-Вильгельм не хотел пропускать через свои владения ни русского, ни французского войска, не хотел пропустить русскую артиллерию, шедшую из Риги к Данцигу. Легко понять, с каким чувством узнал об этом Миних; с обычным своим спехом и пылом он обратился прямо к королю с требованием пропуска артиллерии; Фридрих-Вильгельм отвечал ему:

1 апреля в устьях Вислы появился французский фрегат с шведским войском и оружием, но Леси принудил его уйти назад в море; к русским пришла артиллерия, отправленная из Риги и Ревеля, прибыли и саксонские мортиры по почте в закрытых телегах: их пропустили через прусские владения, потому что их выдали за экипажи герцога вейсенфельского. Эти экипажи расставили 18 апреля на русские батареи и начали стрелять по городу. В это время пришла французская эскадра, и несколько людей успели высадиться, но французы не нашли никакой возможности ни соединиться с польским войском, ни войти в город, потому что Миних взятием форта Зоммершанц совершенно пресек сообщения Данцига с его гаванью Вейхзельмюнде. Французы два дня имели намерение атаковать русские посты, находившиеся на берегу Вислы, но отчаялись в успехе при виде незначительности своих сил, сели на корабли и вышли в море. Тогда Миних в последних числах апреля решил положить конец осаде взятием самого сильного укрепления - форта Гагельсберга. Три тысячи солдат должны были идти на приступ и пять тысяч их поддерживать. Около полуночи русские двинулись на приступ в необыкновенном порядке и сохраняя глубокое молчание; они овладели уже батареею с семью пушками, но, по редкому несчастию, предводители всех трех колонн, почти все офицеры генерального штаба и инженеры, были убиты или ранены при первом залпе неприятеля. Колонны, вместо того чтоб идти отдельно, смешались, и солдаты, не имея вождей, остановились и стояли неподвижно три часа сряду под страшным огнем осажденных. Миних, заметя беспорядок, послал адъютантов с приказом идти назад, но солдаты не послушались и отвечали, что все лягут на месте, а не отступят ни на шаг. Леси принужден был сам отправиться уговаривать солдат к отступлению, и они послушались, потому что очень любили его. Осаждающие потеряли более 2000 человек убитыми и ранеными и 120 офицеров. Миних утешал императрицу тем, что такие потери не представляют ничего необыкновенного, и притом же русские показали удивительную храбрость; императрица в свою очередь утешила фельдмаршала милостивым рескриптом.

Осажденные не воспользовались гагельсбергскою неудачею русских; они не двигались, все дожидаясь французской помощи. Миних доносил 7 мая: "До сих пор в город уже 1500 бомб брошено, и, несмотря на то, осажденные не обнаруживают никакой склонности к сдаче; у меня есть еще бомб на 10 дней, а между тем надеюсь, не придет ли саксонская или наша осадная артиллерия". 13 мая показались опять на рейде 11 французских кораблей, которые также высадили войско на берег. 16 мая

это войско атаковало русские ретраншаменты, и в то же время осажденные в числе 2000 с пушками сделали вылазку, но и те и другие были отбиты, причем с русской стороны отличился полковник Олонецкого драгунского полка Лесли. Узнали, что французскими войсками командует бригадир Ламотт де ла Пейруз, а число всего войска 2040 человек. Так в первый раз померились силами русские с французами. "Русские офицеры и солдаты, - по словам Миниха, - в сей акции превеликий кураж, охоту и радость оказывали и ничего так не желали, как чтоб французы еще сильнее пришли и в другой раз бы отведали". Вслед за этим Миних был обрадован прибытием саксонского войска. Русского войска с подошедшими из Варшавы отрядами было в это время под Данцигом 16337 человек.

В начале июня Миних доносил о прибытии русского флота с артиллериею на данцигский рейд, вследствие чего французская эскадра, оставив войско в Вейхзельмюнде, удалилась, и тридцатипушечный фрегат, который был при Вейхзельмюнде, при отплытии своем сел на мель; зато три русских галиота попались в руки французам, которые в своих известиях из трех галиотов сделали пять военных кораблей, нагруженных бомбами. Миних, получив артиллерию, начал делать апроши к Вейхзельмюнде и послал к бригадиру Ламотту с требованием сдачи; Ламотт снесся с находившимися в городе Станиславом и маркизом де Монти, и те отвечали, что намерены обороняться до последнего человека и надеются, что Вейхзельмюнде может держаться по крайней мере четыре недели, а между тем получится сильная французская помощь, и если Вейхзельмюнде будет защищаться как следует, то вся русская пехота может погибнуть. Миних дал знать Ламотту, что, по известиям от министров из Голландии и Англии, на французскую помощь не может быть никакой надежды, а русский флот уже на данцигском рейде, и если французы по истечении трех дней не сдадутся, то никакой капитуляции и пощады не получат. 12 июня французы сдали Вейхзельмюнде. На другой день сдалось укрепление Мюнде; 17 июня русский флот повез сдавшихся французов, чтобы высадить их в одном из портов Балтийского моря; отвозом французов надобно было спешить, тем более что пришло известие о вступлении в Балтийское море осьми французских военных кораблей с новым вспомогательным войском из осьми батальонов. Шведов, находившихся в Мюнде, Миних отправил с паспортами. Станислав успел уйти, переодевшись в крестьянское платье, после чего 28 июня сдался Данциг с обязательством быть верным королю Августу III; польские вельможи, находившиеся в городе, - примас Потоцкий, епископ плоцкий Залуский, воевода русский Чарторыйский, воевода мазовецкий Понятовский и другие - отдались в волю и милосердие русской императрицы. Город Данциг должен был отправить в Петербург торжественную депутацию из самых знатных граждан по выбору императрицы с просьбою о всемилостивейшем прощении; войска, находившиеся в городе, сдались военнопленными; город обязался не принимать никогда в свои стены неприятелей императрицы и заплатить ей за военные издержки миллион битых ефимков; за то, что во время осады в противность военному обыкновению

звонили в колокола, город должен заплатить 30000 червонных; за уход Станислава Лещинского город должен был выплатить миллион ефимков, если не представит беглеца в четыре недели. Сдавшихся французов привезли в Кронштадт, откуда отправили в Копорье, где держали в лагере. Так как по условию надобно было их высадить в одну из балтийских гаваней и, конечно, французы не разумели здесь Кронштадта, то надобно было их отправить в отечество, но прежде хотели попробовать, нельзя ли извлечь из их пребывания в России какую-нибудь выгоду. 23 июля 1734 года императрица отправила в Копорье флотского капитана Полянского с таким наказом: "Ехать тебе в Копорье в лагерь, где обретаются французы, и объявить наш указ гвардии майору Албрехту или Астраханского полка подполковнику Лопухину, что мы указали быть тебе при тамошней команде обще с ними, потому что ты французского языка умеешь, и французам также объявить, что ты для них нарочно прислан. Притом майору или подполковнику секретно объявить, чтоб они помянутых французов впредь так крепко не держали, как ныне, и ежели б кто из них стал уходить тайно, то за теми присматривать и от того их удерживать не велеть, а для сыску за ними никуда не посылать, понеже из них многие есть мастеровые люди, и буде они будут уходить, то тот их побег к лучшему нашему интересу воспоследует, чего ради не токмо б их от того удерживать, но еще по крайней возможности в том им способствовать и к тому приговаривать и как можно тайно отправлять их в С. - Петербург".

Первый акт борьбы за польский престол кончился взятием Данцига; местом второго действия долженствовала быть более широкая сцена. Из письма генерала Густава Бирона мы видели, что братья Левенвольды перессорились в Варшаве; младший, камергер, просил отозвать его; просьба была исполнена, и на его место был отправлен к польскому двору действит. стат. советник и президент Академии Наук Кейзерлинг, который, впрочем, должен был играть второстепенную роль; обер-шталмейстер Левенвольд по-прежнему заправлял польскими делами, сносясь с тремя дворами - венским, берлинским и дрезденским.

Левенвольд из Варшавы отправился в Краков для присутствия на коронации Августа III, а отсюда в начале 1734 года поехал в Вену. Здесь нужно было толковать об окончании польских дел, а между тем Левенвольд должен был предложить и другой, турецкий вопрос, представив, что Порта относится враждебно к австро-русским интересам в Польше и татары нападают на русские границы, чего терпеть нельзя. Эти представления были очень неприятны венскому двору: польское дело еще не кончено, предстоит война с Францией, а тут Россия поднимает турецкую войну, в которой Австрия должна помогать ей. Цесарские министры отвечали Левенвольду, что государь их самым прилежным образом советует *диссимулировать* с турками и, пока они находятся в покое, ничего против них не начинать, потому что теперь не время: французы воспользуются случаем, чтоб с большим успехом делать внушение и подстрекательство как у Порты, так и в других местах, особенно в Швеции:

Франция ободрится новыми беспокойствами и затруднениями, неизбежными для союзников при новой войне; при виде этих новых беспокойств и затруднений и те, от которых цесарь ожидает помощи или имеет право ее требовать, станут уклоняться. Что же касается татар, то с ними можно расправиться, и Порта не почтет это нарушением мира. Относительно австрийской помощи против турок принц Евгений говорил, что ему нужно непременно знать наперед о военных распоряжениях с русской стороны, и в то же время требовал, чтоб Россия по договору помогла Австрии войском против французов. Левенвольд отвечал, что русские войска и без того заняты и разбросаны в разных местах и еще новую тягость налагать на них нельзя; что императрица относительно соседей своих находится в таком положении, что принуждена думать о защите собственных границ: в Польше действует одна армия, и конца тамошним делам еще не предвидится; надобны войска в Персии, и должно готовить другие в ожидании войны турецкой, которую татары уже начали своими нападениями; не меньшую осторожность надобно наблюдать и со стороны Швеции, которая волнуется французскими интригами. Если по желанию цесаря с турками и диссимулировать, то не мешает заблаговременно условиться о необходимых мерах, чтоб императрица могла знать наверное, какую помощь получит она от цесаря, если турки нападут на ее владения, тем более что эту помощь цесарь должен оказать и в видах собственной безопасности, ибо интересы обеих империй относительно Турции нераздельны. Австрийские министры отвечали, что все это справедливо и русская государыня должна быть уверена, что цесарь подаст ей помощь в турецкой войне некоторым числом конницы и во всяком случае будет стараться доказать свои верно-союзнические намерения. Жаловались на Пруссию, что благодаря ее равнодушию цесарь лишен помощи остальных князей германских, которые соображают свои поступки с поступками Пруссии. Левенвольд писал императрице, что, по его мнению, венский двор по возможности обнаруживает добрую склонность, а что в польских делах войсками сообща действовать не может и против турок никаких других мер, кроме содержания на границах довольно числа войск, предпринять не в состоянии - единственною причиною тому бездействие прочих союзников, которые на одного цесаря возлагают всю тяжесть французской войны. Французы все входят далее и далее в глубь империи и везде собирают большие контрибуции, только в землях курфирста пфальцкого все деньгами платят и раздают опасные грамоты, что служит знаком доброго согласия их с курфирстом. Курфирст кельнский набирает войско и возбуждает также сильное подозрение, а приверженность к Франции курфирста баварского давно открылась, и легко рассудить, что Франция будет всеми средствами усиливать свою партию в империи. В Саксонии боятся, чтоб французы через Кассель и Тюрингию не пробрались к саксонским границам.

В конце апреля Левенвольд выехал из Вены и отправился в Саксонию для свидания с польским королем. Августа III он нашел в Лейпциге и стал ему внушать, что все затруднения происходят от прусского короля, который не

оказывает союзным дворам должной помощи, сердясь за возведение на польский престол его, курфюрста, который поэтому обязан привлечь Фридриха-Вильгельма на свою сторону всякого рода угождениями; Август III согласился угождать прусскому королю, предложить ему с саксонской стороны отдать в заклад амт Гоморн, а с польской - Эльбинг.

Из Лейпцига Левенвольд отправился в Берлин, где имел с королем длинный разговор, подробно изъяснял ему ход польских дел, как Франция, стараясь возвести на престол Станислава Лещинского, имела в виду одно - проложить дорогу к польскому престолу французским принцам и привести Польшу в полную от себя зависимость, что было бы и Пруссии так же вредно, как и другим соседним державам. Оба императорские двора сначала вовсе не думали о курфюрсте саксонском и хотели, согласно с желанием прусского короля, возвести на престол какого-нибудь Пяста; но при господстве французской партии, при употреблении огромных денежных сумм и при сильных вооружениях не было никакой возможности думать об ином кандидате, кроме самостоятельного государя, который был бы в состоянии содержать свою партию собственными силами и деньгами. Выбравши поляка, надобно было бы поддерживать его войском и деньгами, но прусский король объявил, что в польском деле деньгами помогать не будет, и прусские министры в Польше с самого начала держали себя в таком отдалении от министров русского и австрийского, что противная партия могла выводить отсюда самые благоприятные для себя заключения. Наконец, при таких обстоятельствах нельзя было найти ни одного поляка, который был бы так смел, что решился бы принять престол.

Король, выслушав все это, сказал: "А цесарь теперь находится в трудном положении от французов; как он из таких затруднений выпутается?" Левенвольд отвечал, что исход дела в руках его, Фридриха-Вильгельма, если с прямою ревностью вступит в дело, выставит побольше войска против французов или по крайней мере сбором и движением его покажет вид, что хочет содействовать восстановлению общего спокойствия. Король сказал на это, что дело требует еще долгого обдумывания и что ему прежде надобно знать подлинно, какую безопасность он в Пруссии будет иметь со стороны Польши, чтоб польская смута как-нибудь не обратилась во вред ему; что он совершенно спокоен относительно русских войск, но не может быть спокоен насчет поляков, если объявит себя против них и выведет свои войска из Пруссии. Левенвольд отвечал, что союз с Россией служит для него лучшим обеспечением и, если он хочет, Россия может возобновить свою гарантию Пруссии, хотя и трудно себе представить, чтоб при существующем союзе между Россией и Пруссией поляки осмелились напасть на последнюю. Наконец Левенвольд коснулся главного пункта - вознаграждения Пруссии со стороны Августа III, упомянул, что дело об амте Гоморн может быть легко улажено, и просил короля объявить, чего он еще желает. Вместо ответа король спросил, чего от него хотят. "Признания Августа III королем польским и удаления отсюда французского министра

Шетарди", - отвечал Левенвольд. "Немедленно велю своим министрам вступить с вами в конференцию", - сказал король и отпустил русского посланника. Но когда результаты конференции были донесены королю, то Левенвольду объявлено было требование, чтоб курфирст Август уступил Пруссии Курляндию и Померанию с городом Эльбингом, и требование предъявлялось на основании обещаний, полученных от русского двора. Взятие Данцига положило конец этим требованиям.

Союзную России Данию польские дела поставили в затруднительное положение. В марте 1733 года Бракель писал в Петербург: "Здесь министерство насчет проезда короля Станислава чрез Зунд находится в сомнении: Франции прямо отказать не хотят и пропустить также не желают. Я буду уговаривать их, чтоб не пропускали и признали за повод к войне, если французская военная эскадра пойдет в Балтийское море". Французский посол толковал, что его государь вмешивается в польские дела для охранения польской вольности, стесняемой цесарем и его союзниками; Бракель внушал, что, наоборот, Франция стесняет польскую вольность, навязывая полякам Лещинского; датские министры отвечали, что им сомнительно в этом деле принять ту или другую сторону, но обнадеживали Бракеля, что будут содержать заключенный с Россией союзный договор. В мае французский посол потребовал, чтоб Дания по крайней мере оставалась нейтральною в польском деле, ибо как скоро хотя один человек войдет в Польшу для противодействия избранию Лещинского, то необходимым следствием будет война с Франциею. Датские министры отвечали, что король их не отступит от австро-русского союза. Француз грозил союзом Франции с Швециею, что производило впечатление на датчан. В начале июля французский посол объявил, что король его счел нужным отправить военную эскадру в Балтийское море, и так как французский двор находится с датским в добром согласии и дружбе, то он, посол, обращается с просьбою, чтоб для этой эскадры был свободный пропуск чрез Зунд и чтоб в нужном случае французские корабли могли найти пристанище и помощь в датских гаванях. Ему отвечали, что в проходе чрез Зунд никакой державе отказано быть не может и датские гавани открыты для французских кораблей, если только французская эскадра посылается не с тем, чтоб вступить в какое-нибудь неприязненное столкновение с союзниками Дании.

До сентября Бестужев не мог известить ни о чем важном. От 14 числа этого месяца он дал знать, что известие об избрании Лещинского в Варшаве произвело в Стокгольме несказанную радость как при дворе, так и в народе. Но радость эта скоро утихла, когда вслед за тем получено было известие, что Станислав с своими приверженцами должен был удалиться в Данциг и противная партия провозгласила королем Августа III. В конце октября Кастежа начал хлопотать, чтоб Швеция за деньги дала Лещинскому от 10 до 15000 вспомогательного войска. Видя нерасположение шведского правительства так явно вмешаться в дело, Кастежа начал набирать в Швеции охотников - солдат и офицеров - для

отправления в Данциг к Станиславу. В офицеры было принято 40 человек молодежи, при каждом по два человека рядовых солдат, которые в паспортах были показаны лакеями офицеров. В конце года Бестужев доносил, что хотя в Швеции генералы все склонны к французской стороне, однако правительство держит себя нейтральным, и надобно надеяться, что не переменит своего поведения до будущего сейма. Король так явно выказывает расположение свое к России, что даже возбуждает народный ропот. Когда однажды Бестужев был у него и в это время пришли проститься с ним пажи, завербованные Кастежа в службу к Станиславу, мальчики от 14 до 15 лет, то король тихонько сказал Бестужеву: "Вот воины, которые едут выручать Данциг; да и между другими, отправляющимися туда, половина негодных".

Кастежа не переставал требовать, чтоб Швеция отправила корпус войска на помощь Данцигу, обещая за это большие деньги; с другой стороны, Англия предложила субсидии, с тем чтобы иметь наготове шведское войско для поддержания равновесия в Европе при настоящих конъюнктурах. Поставленный этими предложениями в затруднение, шведский Сенат определил в феврале 1734 года созвать чрезвычайный сейм. Положение русского министра в отношении к сейму было теперь совершенно иное, чем прежде. Мы видели, что прежде русские министры противодействовали всеми мерами придворной партии, избранию ее кандидата в председатели сейма или ландмаршалы, но теперь отношения переменились, и Бестужев с большим огорчением доносил, что Горну, продолжавшему враждовать с королем, удалось отстранить придворного кандидата и провести в маршалы человека противной партии, графа Левенгаупта, потому что только при торжестве королевской партии Бестужев рассчитывал на нейтралитет Швеции в польских делах. Впрочем, Бестужев утешал свой двор тем, что Левенгаупт считался добрым патриотом, притом он человек не очень искусный в делах и большой опасности от него ожидать нельзя; доброжелатели надеются, что он пойдет прямою дорогою из страха, что противная ему партия так же сильна, как и его; таким образом, ход дела будет зависеть преимущественно от того, какие члены будут выбраны в секретную комиссию. Скоро Бестужев уведомил, что выборы в секретную комиссию удовлетворительны: только треть членов подозрительны, а две трети королевской партии, да и вообще депутаты кажутся миролюбивыми, так что едва ли нынешнее лето Швеция окажет помощь Данцигу и Станиславу, несмотря на то, что французский посол волновал небо и землю, чтоб склонить шведский народ на свою сторону, и ежедневно угощает влиятельных лиц.

Но угощения не помогали; планы Кастежа расстраивались известиями о слабой помощи, какую французы подают Данцигу и Станиславу, и Бестужев все более и более уверялся, что Швеция сохранит нейтралитет. Когда разгласилось известие о сдаче Данцига, то вся охота помогать Лещинскому исчезла, и французов стали бранить, зачем они Станислава так безбожно и бесстыдно покинули. Но в то же время торжество России

возбудило в Швеции сильный страх и раздражение и начали смотреть во все стороны, на что бы опереться против опасной соседки. В секретном комитете было решено отправить указ к шведским агентам в Константинополе, чтоб они наблюдали за поступками Порты, и если увидят склонность ее начать войну с Россиею, то обнадежить визиря, что немедленно будет отправлен в Царьград шведский министр для заключения союза. В то же время Бестужев дал знать, что граф Горн приходит в большую силу, сеймовый маршал действует во всем по его наставлению и русский доброжелатель Гепкин сильно трусит. Кастежа опять "начал делать великие движения". Но скоро Горн охладел к Франции: согласно желанию Англии, он завел дело о союзе между Швециею и Даниею в видах создать оплот против могущества России на севере, но чрез это произошла сильная ссора между Горном, Гилленборгом и Гепкином; голштинская партия, естественно не желавшая союза с Даниею, пристала к французской. Неприятеля Горна стали внушать народу, что дело идет о браке между сыном принца Вильгельма кассельского и принцессою английскою и когда этот брак состоится, то Англия не только овладеет всею шведскою торговлей, но и может упрочить наследство шведского престола в кассельском доме. Кастежа воспользовался этим и чрезвычайно усилил свою партию в секретном комитете; он говорил, что хотя министерство ему и противно, однако он надеется посредством народа достигнуть своей цели. Бестужев отправился к Горну и, сообщив ему об этих разглашениях Кастежа, начал говорить, как неприлично иностранному министру сноситься с народом: ясно, что Кастежа хочет поссорить министерство с народом. Горн отвечал, что французский посол идет тою же самою дорогою, какую шли русский посол князь Василий Долгорукий и цесарский граф Фрейтаг во время приступления Швеции к ганноверскому союзу; впрочем, он, Горн, надеется, что и французский посол теперь получит такой же успех, как и те два министра.

В сентябре Бестужев уведомил о заключении союзного договора между Швециею и Даниею и об упадке французского влияния в Стокгольме; в октябре доносил о новом неожиданном его усилении: в начале ноября опять сообщал успокоительные известия. В конце месяца доносил, что партия, во главе которой стоит граф Гилленборг, склонна к Франции не по доброжелательству к ней и не по ненависти к России, но по вражде к Горну и по ненависти к Англии. В декабре окончился сейм, не постановивши ничего относительно вступления в союз с тою или другою державою, но предоставивши королю и Сенату поступить в этом деле смотря по конъюнктурам. Французская партия выиграла одно, что чины заявили королю удовольствие нации, если он получит субсидии от французского правительства. Это получение субсидий без всякого за то обязательства со стороны Швеции было важно для Франции и других держав в том отношении, что препятствовало связи Швеции с Англиею, получению от нее субсидий. "Итак, - писал Бестужев, - если у английского двора есть истинное намерение разлучить Швецию с Франциею и привлечь к себе, то

надобно ему без потери времени предложить здешнему двору такие субсидии, которые бы превосходили французские и могли быть приняты безответно. Я на днях говорил английскому министру, просил его написать в Лондон, что если английский двор и теперь поступит так же слабо, как поступал во время сейма, то король и Сенат, несмотря на свое расположение к английскому союзу, принуждены будут принять французские субсидии".

Таким образом, после знаменитой ганноверской ссоры по мекленбургскому делу интересы России и Англии впервые соединились. Мы видели, что по смерти Георга I английское правительство начало выражать желание возобновить дружественные отношения к России. Удаление Англии от Франции и сближение с Австриею еще более облегчили путь к этому. Англия сделала первый шаг, назначив прежнего секретаря посольства Рондо резидентом при русском дворе. Старый русский резидент в Англии Федор Веселовский не возвратился в Россию, боясь подвергнуться ответственности за брата своего Абрама, нашедшего убежище в Англии. В 1731 году Федор Веселовский начал сообщать Остерману известия об английских делах и в мае месяце писал ему: "Я оставил было мою корреспонденцию, будучи в сомнении, что то вашему превосходительству может быть неуютно, но, к немалой моей радости, уведомился я на сих днях от господина Фандербурга (русского резидента в Голландии), что вы позволяете мне ее продолжать и по великодушию своему даже изволили все мои письма ее величеству представить. За такое ваше милостивое благодеяние всепокорным сердцем благодарю и всенижайше прошу предстательствовать у ее величества, дабы благоволили воззреть на меня милосердным оком как на природного своего подданного, не отменившегося ни в своей ревности, ни в верности к ее освященной особе или к отечеству, но несчастным, невольным случаем испуганного. Представляю это не в извинение себе, но как несчастный подданный, молящий о милосердии ее величества и усердно желающий употребить последние дни жизни своей на службу отечеству". В конце 1731 года русским резидентом при английском дворе был назначен поручик гвардии князь Антиох Кантемир.

В 1732 году Кантемир не мог донести своему двору ничего важного; в 1733 по случаю смерти Августа II Кантемир известил свой двор, что по его представлению Георг II приказал отправить к своим министрам в Вену и Варшаву инструкции, чтоб при выборе нового короля поступали согласно с министрами обоих императорских дворов. Кантемир писал: "Нынешнее министерство всеми средствами старается сохранить внутри и вне государства тишину, которую английский король парламенту своему и в прошлом, и в нынешнем году обещал; поэтому я не надеюсь, чтоб против французского двора английский король захотел поступить открыто". В мае английское министерство "немалое довольство показало" Кантемиру, что русская императрица намерена вместе с цесарем поддерживать саксонского курфирста, потому что этим средством французский двор лишится немалой

подпоры в Германии. Кантемир предложил английским министрам, как нужно для сохранения спокойствия в Европе Англии и России прийти в теснейшее согласие; ему отвечали именем королевским, что его величество от всего сердца желает заключить союз с Россией и не упустил бы этого случая для засвидетельствования своего высокого уважения к русской императрице, но, как известно, король в таких делах нуждается в согласии парламента и народ по внушению противной двору партии станет упрекать короля и министров, что Англию вводят в новые обязательства и в новые издержки, заключая союз с таким отдаленным государством, как Россия; король думает, что для удовлетворения народа хорошо было бы заключить трактат коммерческий и дружественный. "Из этих речей, - писал Кантемир, - ваше величество изволит усмотреть, что намерение здешнего двора клонится к тому, чтоб чрез коммерческий трактат получить новые выгоды, а к союзу мало склонности из опасения новых убытков и нареканий от противной партии. Я думал, что неприлично было бы долее настаивать: не подумали бы министры, что, ваше величество, из-за какого-нибудь своего партикулярного интереса или по нужде так горячо добиваетесь их союза. Но так как ваше величество повторяете мне свои прежние указы, то я не оставлю прилагать всевозможное старание для соглашения здешнего двора к союзу, употребляя такой разговор, из которого бы нельзя было усмотреть, что ваше величество непременно этого желает. Я соглашусь насчет этого и с цесарским послом, который до сих пор никакой помощи мне не дал. Он мне говорил, что для склонения здешнего двора в интерес его государя необходимо, чтоб австрийские войска не вступали в Польшу, потому что если король французский нападет на цесаря за Польшу, то английский король может объявить в парламенте, что цесарь к войне причины не подал и потому Англия должна помогать ему; если же цесарь введет войска свои в Польшу, то оппозиция будет иметь основание противиться даче субсидий, представляя, что Англия обязана помогать цесарю только в таком случае, когда на него нападут, и введением своих войск в Польшу он будет нападчиком. Поэтому цесарский посол здесь внушал, что ваше величество по своей самовластной воле приказали своим войскам вступить в Польшу и что цесарь не может вам в том указывать. Думаю, что поступок венского двора может быть полезен для склонения здешнего двора объявить себя против Франции".

В ноябре, когда польское дело затянулось и можно было ожидать сильных мер со стороны Франции, появления ее флота на Балтийском море, Кантемир получил от своего двора приказание возобновить предложение о союзе. Кантемир поневоле отправился к управляющему иностранными делами лорду Гаррингтону и начал тем, что предлагаемый им союз должен быть основан на существующих договорах для сохранения общего спокойствия в Европе, и особенно на севере; союзники должны защищать друг друга в случае нападения, но исключен будет случай нападения на Россию турок, потому что тогда Россия не может ожидать от Англии никакой помощи; Россия не потребует ничего больше, как помощи одною эскадрою, если которая-нибудь из северных держав начнет против нее

войну, а сама императрица причины к войне никогда не подаст, довольствуясь существующими границами своего государства и не желая прибавлять к нему ни одной пяди земли. Такой союз не может быть в тягость английскому народу, потому что Великобритания для собственного интереса, для защиты своей торговли и без всякого обязательства принуждена будет посылать в Балтийское море эскадры, если мир на севере будет нарушен, как и не раз случалось. Потом, английский народ никогда не тяготился морским вооружением, потому что для этого употребляются английские матросы и деньги из государства вон не выходят. На это Гаррингтон отвечал, что английский народ привык роптать против всех обязательств, в которые английский король вступает с другими государствами, хотя бы и близкими, жалуясь на падающие на него отсюда тягости, и потому надобно ожидать большого неудовольствия от нового союза с такою отдаленною державою, как Россия. Союз может быть полезен только одной России, потому что если Англия подвергнется нападению, то от России не может ожидать никакой помощи, ибо в кораблях и деньгах нужды не имеет, а перевозить русские войска в такое отдаленное место неудобно. Действительно, Великобритания посылала эскадру в Балтийское море, но теперь никакой нужды в том нет, потому что она в добром согласии со всеми северными державами, а это согласие могло бы нарушиться, если б она вступила в союз с Россиею без всякого повода со стороны северных держав. Король не может понять, каким бы образом пред английским народом оправдать меры, принятые для защиты России безо всякой нужды. Вслед за тем приехал к Кантемиру брат первого министра Роберта Вальполя Горас Вальполь. Роберт отказался от сношений с Кантемиром, потому что тот не мог объясняться по-английски, а Вальполь не знал никакого другого языка, кроме своего. Горас Вальполь объявил еще откровеннее, что к заключению союза с Россиею у англичан мало склонности; с самого начала возобновления приятных отношений между Россиею и Англиею он, Вальполь, и другие английские министры не раз представляли кардиналу Флери и цесарским министрам, что английский король сильно желает быть в тесной дружбе с Россиею и защищать ее интересы добрыми услугами при каждом удобном случае и договоры дружественные и торговые заключить готов, но вступить во взаимную гарантию всегда отговаривался, потому что в таком союзе вся выгода будет на стороне России, а вся тягость падет на Англию. Горас Вальполь, продолжая дружески разговаривать с Кантемиром, выразил удивление, что русские министры стараются затруднить заключение торгового договора, требуя, чтоб вместе заключен был и союзный договор, как будто торговый договор не столько полезен России, сколько Англии. Если англичане увидят, что для торгового трактата они должны взять на себя тягость защиты России, то заведут в своих американских колониях те самые товары, которые теперь принуждены брать из России. Притом нынешние конъюнктуры очень неблагоприятны для заключения союза с Россиею, потому что спокойствие на севере уже некоторым образом нарушено польскими делами и король должен ожидать окончания этих дел.

Несмотря на то, в конце 1733 года Кантемир по приказанию своего двора должен был сделать английскому министерству еще новое предложение о союзе; чтоб отделаться, ему отвечали, что ждут от русского двора письменных условий для союза, но предупреждают, что король никак не может отправить эскадру в Балтийское море, потому что предвидится надобность во флоте на Средиземном море, в Индиях и для охранения берегов Великобритании.

Для успокоения Польши отправлен был Миних, который перед отъездом к армии 11 февраля 1735 года подал императрице следующий доклад:

1). Так как тамошнего корпуса походная комиссариатская комиссия членами не довольно снабжена, к тому же, не имея полномочия, по многим делам требует наперед резолюции от главного кригс-комиссариата, отчего в делах происходит большая остановка, как это в бытность мою под Данцигом действительно оказывалось, то чтоб было повелено эту комиссию членами снабдить и определить, чтоб она, не списываясь с главным кригс-комиссариатом, во всем исполняла по моим предложениям, и если для присутствия в ней есть люди достойные при тамошнем корпусе, то было бы повелено определить их по моему усмотрению. Резолюция: учинить по сему пункту, а в тамошний комиссариат определить людей добрых и достойных с согласия тамошнего генералитета.

2). Чтоб на курьеров, шпионов и прочие чрезвычайные расходы по моим предложениям безо всякой остановки отпускались деньги из той же комиссии; я буду подавать об них обстоятельные отчеты. Резолюция: отпускать деньги без остановки по письменным требованиям генерал-фельдмаршала.

3). Если некоторые иностранные офицеры будут просить о принятии в русскую службу, то принимать ли достойных теми же чинами? Резолюция: принимать до капитана, а о штаб-офицерах доносить обстоятельно, какие их прежние службы и достоинства.

4). Чтоб позволено мне было производить в чины достойных офицеров не по старшинству и не по баллотировке, а по заслугам. Резолюция: производить до капитана, а о высших чинах доносить с изображением их службы.

В апреле Миних приехал в Варшаву, откуда писал, что в июне надеется восстановить общее спокойствие в Польше, ибо неприятель приведен в совершенное бессилие. Станислав и маркиз Шетарди всю зиму обнадеживали Яна Тарло, воеводу люблинского, что весной 12000 шведского и 13000 прусского войска явятся в Великой Польше с значительным числом денег. Но когда Тарло вступил с своим отрядом в Великую Польшу, то не только не нашел обещанных войск, но и узнал, что прусский король требует от поляков аманатов, чтоб они в границах его не

делали никаких беспорядков. Тут же было получено письмо от Станислава: претендент писал воеводе люблинскому, что на получение иноземной помощи нет надежды и чтоб он как можно скорее отступал. Узнавши об этом письме, войско взволновалось, и хотя воевода представлял, что их более 10000 и потому можно было бы вторгнуться в Саксонию, но войско отвечало, что он своими лживыми обещаниями хочет только привести их в конечную погибель для своих честолюбивых видов. С этих пор дисциплина исчезла, ратники начали разбегаться и попадали в руки к русским.

Пора было кончить дело в Польше и выводить оттуда войска, потому что в Литве слышались сильные жалобы. В мемориале, поданном Миниху литовцами, говорилось, что господа генералы русской армии интересуются в сборе казенных доходов с Великого княжества Литовского, не оказывают никакого уважения литовским войскам, выживают их с квартир. Сыск русских крестьян в княжестве Литовском происходит насильственным образом, со многим разорением и обидами, и потому литовцы просят, чтоб сыск производился определенной с обеих сторон комиссиею. Господин Бересневич, приверженец Лещинского, производивший многие разбои и грабительства в поветах Вилкомирском и Упитском, получил прощение от господина фельдмаршала и обязался собирать рекрут в русскую службу - литовцы просили, чтоб под покровительство императрицы не был принят человек, грабивший и разорявший доброжелательных России людей, но принужден был вознаградить за причиненный им убыток. Великие контрибуции, собираемые русскою армиею как провиантом и фуражом, так и наличными деньгами, привели княжество Литовское в крайнюю скудость, и потому литовцы просят, чтоб этих налогов не было более; честь ее императорского величества требует охранять и щадить те поветы, которые в нынешних трудных обстоятельствах республики оказали явные опыты твердости в сохранении договоров и соседней дружбы с Российскою империею. Осужденный за многие преступления пан Корейво, находясь при русской армии у кирасирского подполковника Роппа, всячески придирается к шляхетству и нападает на его дома - просят, чтоб Корейво велено было возвратить все им похищенное у помещиков Вилкомирского и Упитского поветов. Находящийся под командою генерала Бисмарка подполковник Кикебуш собирает провиант и фураж с несомною тягостью, и хотя в 1734 году три магазина были наполнены, однако в нынешнем, 1735 году он начал опять собирать провиант, фураж и наличные деньги, грозя помещикам всякими муками; он употребляет жида Гирза Межеровича, который вымышляет всякие налоги и нападки на помещиков, чтоб только взять с них деньги, их берут под стражу, бьют батогами - просят, чтоб жид был отдан под суд и наказан в пример другим.

Не в одной Польше и Литве должны были действовать русские войска. Император Карл VI напрасно удерживался от посылки своих войск в Польшу под предлогом, что в противном случае союзники не помогут ему, как нападчику. И без того никто не помог ему, когда Франция объявила ему войну за Польшу, усилив себя союзом с Испаниею и Сардиниею. Две

французских армии направились на Германию, и в то же время союзнические войска напали на итальянские владения императора Неаполь и Ломбардию. Неаполь и Сицилия скоро достались испанцам; Миланская область также почти вся занята была французами и сардинцами. В империи Бавария, Майнц, Кельн и Пфальц приняли сторону французов; между курфирстами ганноверским и бранденбургским было сильное несогласие. Французы заняли Лотарингию, овладели Келем, Филипсбургом. Мы видели, что Австрия по союзному договору требовала от России вспомогательного войска, и русское правительство решилось дать его, чтоб ускорить окончание войны. Леси получил приказание с двадцатитысячным корпусом пехоты двинуться на помощь войскам императора.

8 июня 1735 года Леси выступил из Польши в Силезию. Здесь на первых днях бежало из полков до 20 человек солдат; некоторые из них были переловлены и казнены смертию. "Впрочем, - писал Леси, - по отдалении от польских границ и при настоящем в пище и прочем довольстве надежно, что бегать не будут". Провиант и фураж получали из цесарских магазинов, а именно в сутки чистого ржаного хлеба по два фунта с половиною, соли и круп соответственно месячным русским обыкновенным дачам; за фунт мяса получалось деньгами по три копейки; сена - по 16 фунтов, овса и сечки - по два гарнца, соломы - по одному снопу в сутки. По вступлении в Богемию, где, по выражению Леси, тутошные обыватели с солдатами безнуждный имеют разговор, бежало из всех полков до 20 человек. 30 июля войско вступило в Нюрнберг, откуда Леси писал: "До сих пор поход совершался благополучно: солдаты в пропитании нужды не имели и жалоб ни от кого никаких на войско не приходило; в здешних краях очень удивляются, что многочисленная армия содержится в таком добром порядке; из дальних мест многие приезжают смотреть наше войско, особенно когда во время роздыха бывают экзерциции". 15 августа русская армия соединилась с цесарскою и была расположена между Гейдельбергом и Ладебургом, подле реки Некара. В сентябре войска были перемещены, и русский корпус расположился у реки Инца, в двух милях от Филипсбурга. "В команде моей, - доносил Леси, - все состоит благополучно, больных меньше, чем в других войсках, и болезни нетяжкие". В октябре армия расположилась на зимних квартирах в Дурлахской и Виртембергской области, причем Леси со штабом поместился в местечке Форцгейме.

Русское войско не участвовало в битвах, потому что с его движением к Рейну начали двигаться мирные переговоры между Франциею и Австриею. Кардинал Флери был не охотник до войны и спешил прекратить ее на выгодных условиях; до Польши же, за которую и началась война, ему было мало дела. В конце ноября заключено было перемирие, и Леси должен был спешить с своим корпусом назад, чтоб принять участие в турецкой войне.

Мы видели, что до сих пор все сношения русского двора с Портою обращались около дел восточных: персидских, крымско-кабардинских, калмыцких, но теперь к этим делам присоединяются польские. В январе

1733 года Неплюев, уведомляя, что будет иметь с визирем разговор о польских делах, писал: "Не думаю, чтоб Порты захотела вмешаться в эти дела, потому что у нее уже и так полны руки других дел, особенно в нынешнем положении султана, визиря и всего министерства; притом обуздает Порты согласное со мною действие цесарского резидента, в чем турки увидят крепость союза между двумя сильнейшими державами". Неплюев представил визирю все неправды поляков относительно России: русских подданных перерезывают, беглых принимают, с оружием в руках впадают в соседние русские области и разоряют их; завладели многими местами, принадлежащими России по договору, и русскими людьми населяют те места, которые по договору же должны оставаться впусе; три православных епископства насильно превратили к унии вопреки договоров, да и четвертое неслыханными насильственными способами принуждают к унии, делают православным обиды, неслыханные и между идолопоклонниками, уши и носы режут, и никакие представления с русской стороны не помогают; наконец, получены при дворе императрицы достоверные известия о намерении ниспровергнуть настоящую форму правления в Польше, установить наследственность и самодержавие, для чего хотят ввести в Польшу иностранное войско - дело предосудительное и опасное интересам всех соседних держав; все это заставило императрицу приготовить на

10 мая сильно смутил Неплюева переводчик Порты, принеши оригинальную грамоту Петра Великого к султану, где говорилось, что государь отказался принимать в покровительство кабардинских князей и не велел подданным своим мешаться в их дела. Неплюев отвечал, что из грамоты не видно, чтоб кабардинцы были турецкие подданные, и хотя Петр Великий не захотел вмешиваться в ссоры кабардинских князей, однако велел астраханскому губернатору примирить их, что тот и сделал; грамота свидетельствует также именно, что исстари кабардинцы к русским государям прибегали и аманатов им давали. Переводчик Порты возражал, что это ничего не значит: и Порты в прошлом году старалась помирить Дундука-Омбо с калмыцким ханом; аманатов же кабардинцы давали потому, что иначе русские не позволяли им ездить к Теркам для рыбной ловли. Неплюев отвечал, что посредничество турецкое по калмыцким делам не принято и Петр Великий не мог бы кабардинцев с Портою судить, на свете такого примера нет, чтоб от чужих подданных аманатов брать. Но переводчик Порты сказал: "Донесите вашей государыне, чтоб она в Кабарды мешаться не изволила, потому что они всегда принадлежали крымскому хану и грамота Петра Великого в русское подданство их не присвоит; донесите, что Порты, освидетельствовав все свои права, не уступит Кабарды, до чего б ни дошло: хотя Кабарды и небольшой важности, но честь государственная запрещает уступить свою землю". Неплюев отвечал: "Если Порты желает ссоры, то можно ее начать и без Кабарды; если же хочет дружбы, то не должна по-своему толковать грамоты Петра Великого; что же касается государственной чести, то она одинакова как у Русского, так и у Оттоманского государства, и моя

императрица не может отступить от своих прав, для защиты которых способы найдутся".

Переводчик Порты с торжеством носил грамоты к иностранным послам, а Неплюев был в страшном затруднении, не зная, как их очистить. "В них явственное изображение в пользу турецкую, - писал он в Петербург, - и по лучшей из них, 1722 году, постороннему и беспристрастному человеку иначе нельзя почтить Кабарды как нейтральной". Но резидент скоро был выведен из затруднительного положения вступлением татарского войска в русские владения для прохода в Персию. Несмотря на протесты Неплюева и командовавшего в прикавказских владениях генерал-лейтенанта принца гессенгомбургского, предводитель татарского войска Фети-Гирей-салтан объявил генерал-майору Еропкину, начальствовавшему отрядом при гребенских городках, что похода своего остановить не может, потому что он предпринят по указу Порты и от петербургского двора дано позволение пройти ему через русские владения; если же Еропкин будет ему препятствовать, то он примет свои меры. Меры состояли в том, что он не пошел к гребенским городкам, чтоб не встретиться с стоявшим там русским войском, а переправил через Терек войска и пошел горами, но все русскими же владениями. Тогда Еропкин отошел от гребенских городков и стал на реке Белой, куда прибыл и главный командир принц гессенгомбургский. Принц опять послал Фети-Гирею письмо с увещанием отложить поход; опять Фети-Гирей отвечал, что он идет по указу Порты и потому возвратиться не может. 11 июня татары начали выбираться из гор у деревни Горячей, где поставлена была для их удержания команда из 500 человек. Татары бросились на команду, которая построилась в каре, выдержала их натиск, а между тем к ней на помощь подоспел принц гессенгомбургский; татары с ожесточением напали и на него, но были обращены в бегство и преследованы на пространстве 10 верст. Это дело стоило русскому войску 55 человек убитыми и 87 ранеными. Татары остановились в чеченских землях и начали возмущать тамошних жителей против России.

Визирь объявил австрийскому резиденту, что Россия Порту уничтожает не только изгублением многих татар в Дагестане и захватом Кабарды, но и введением войска в Польшу вопреки договору и не предуведомив об этом Порту, своими войсками назначила королем курфирста саксонского и таким образом ввела наследственность; так пусть цесарь склонит Россию дать Порте в этом удовлетворение, а если удовлетворения не будет, то Порта за свою честь объявит войну. Резидент отвечал, что государь его справедлив и, давши России слово, исполнит договор, станет ее защищать, если на нее кто-нибудь нападет. Визирь отдал от себя письмо к принцу Евгению, требуя, чтоб ответ был доставлен в 50 дней. "Порта времени терять не будет, - говорил визирь, - прошло время, когда Россия могла кормить завтраками, мы ее не очень уважаем, и хотя у нас война с персиянами, но это не помешает: против России не нужно всех наших сил, довольно одних татар, которых соберется до 300000". Призвавши потом

Неплюева, визирь начал ему говорить, что он отправил одно письмо к принцу Евгению, а другое приготовил к русскому канцлеру и требует скорого ответа. Неплюев отвечал, что скорого ответа дать нельзя, потому что надобно будет прежде согласиться с венским двором. "Мы признаем Русскую империю независимую от Римской: давно ли установилась такая зависимость?" - сказал визирь. "Это делается не вследствие зависимости, а вследствие союза", - возразил Неплюев. "Такое же сношение, - продолжал визирь, - следовало бы иметь и с Портою, государством пограничным и немалым, но Россия, не давши знать Порте, ввела 60000 войска в Польшу и назначила королем курфирста саксонского, что Порте противно, и хотя Порта желает всячески с Россиею дружбу сохранить, но за честь свою принуждена будет другие меры принять". Неплюев отвечал, что немедленно по смерти королевской он сам объяснил Порте, по каким побуждениям русское войско введено в Польшу; что же касается до избрания курфирста, то и неприятели России не могут доказать, чтоб она кого-нибудь предлагала полякам в короли. Визирь продолжал толковать, что Россия оскорбила Порту, назначивши без ее согласия королем курфирста саксонского; да и кроме польских дел Порта оскорблена Россиею: 1) союзный трактат относительно Персии перенебрежен; 2) в проходе татар чрез Дагестан много их погублено; 3) при Тахмас-Кулы-хане находится русский министр. На эти обвинения Неплюеву, разумеется, отвечать было очень легко. Наконец, визирь сказал, что Франция побуждает Порту воспользоваться благоприятными обстоятельствами и объявить войну обоим императорским дворам, но Порта не обращает внимания на эти внушения и принимает меры только для охранения своей чести. Переводчик Порты под клятвою, как христианин, сообщил Неплюеву о причинах крутого поворота в отношениях Порты к России: визирь Али-паша никогда не хотел мешаться в польские дела и теперь не хочет, но французы напели всем в уши, что вступление русских войск в Польшу есть явное нарушение договора, существующего между Россиею и Портою, что Россия во всех своих действиях оказывает явное презрение к Порте; враги визиря, пользуясь этим, везде кричат, что честь Порты Оттоманской оскорблена, а тут еще хан крымский пишет ко всем знатным людям, жалуется на Россию за Кабарду и также выставляет на вид бесчестие, которое терпит Порта от захватов русских. Все это бесчестие приписывается визирю; в народе ропот. Али-паша, видя пред собою гибель, принужден делать демонстрации, созвал совет для рассуждения о поступках России и внушает, что намерен требовать удовлетворения за нарушение договора; для этого пишет письмо к канцлеру и требует немедленного ответа. При этом переводчик Порты внушал, как следует канцлеру отвечать на письмо визиря; надобно выставить, что явный неприятель России Станислав Лещинский вступил в Польшу и присвоил себе корону с французскою помощью; русская императрица ввела свои войска в Польшу для его изгнания, ибо по трактату с Портою Россия имеет право вводить войска в Польшу для изгнания своих неприятелей, и, когда Станислав будет изгнан, тогда и русские войска возвратятся и Россия не

будет вмешиваться в королевские выборы. Переводчик Порты открыл также, что у турок общее мнение, будто цесарь - союзник России только на словах, а не на деле, потому что он Россию в польские дела ввел, а сам ни одного человека в Польшу не послал. Неплюев сказал на это, что цесарь должен свои войска держать против Франции, которая уже объявила ему войну. "Если б тесный союз был, - возражал переводчик, - то цесарь непременно бы послал хотя 15000 своего войска в Польшу, чтоб показать единство действия. Вы думайте как хотите, а посторонних не заставьте верить, пока на самом деле не увидят этого единства, и, по дружбе вам сказать, Порта Россию очень легко ценит, помня прутские дела".

В свите французского посланника Неплюев имел преданного человека, который уведомлял его о всем, что делалось и говорилось против России; то был Бон, племянник генерала, находившегося в русской службе. Бон давал знать, что хотели прежде всего свергнуть визиря, считая его преданным России; потом толковали, что надобно помочь Швеции возвратить от России все завоевания Петра Великого, ибо без этого Франция не может получить никакой пользы от союза с нею. Шведы могут и в Германию, и в Польшу вступить только морем, но русский флот может пресечь им совершенно этот путь. Англичане и голландцы будут очень рады под рукою способствовать французскому намерению для пользы своего купечества в Балтийском море. С другой стороны, пока Ливония будет в русских руках, Россия всегда будет иметь возможность помогать против Франции цесарю, не только нынешнему, но и наследникам его, из каких бы германских домов они ни были, ибо у России с Германиею есть общий интерес и разделить их трудно, потому что между ними никаких споров ни на земле, ни на море быть не может. Шли толки и о том, чтоб возвратить полякам Смоленск и Киев и выгнать русских из завоеванных ими земель у берегов Каспийского моря; одним словом, хотели привести Россию в положение, в каком она была сто лет тому назад, и думали, что для исполнения этих планов тогдашние обстоятельства были самые благоприятные, ибо легко возбудить против России множество неприятелей внешних, а если война начнет распалиться, то и внутри встанет смута вследствие раздора между русскими и иностранцами, имеющими участие в правлении, тем более что правление вообще очень слабо.

Страшное поражение, претерпенное турецким войском от персиян, сильно помешало Вильневу. В декабре он представил визирю, что если Станислав не получит помощи, то принужден будет возвратиться во Францию и потому он, посол, именем государя своего требует, чтоб Порта объявила войну России; в противном случае цесарь, Россия и креатура их - польский король Август выгонят турок из всех европейских провинций, и тогда французский король за Порту не заступится и о целости ее заботиться не будет, как до сих пор делал. Вильневу отвечали, что Порта сама очень желала бы воспользоваться нынешнею европейскою войною для борьбы с Россиею и цесарем и считает нужным для себя, чтоб королем в Польше

был Станислав, но при войне персидской нужно ей прежде всего закрепить союз с Францией, именно чтоб Франция не мирилась с цесарем без согласия Порты. Вильнев не мог сам собою согласиться на это требование, должен был просить разрешения своего двора.

1734 год Неплюев начал ободрительными донесениями, не советуя своему двору улаживать дела с Портою: "Лучше туркам не мешать в азиатский поход вязнуть: тогда всячески будет удобно с ними поступить, как вашему величеству будет угодно. Кабарды уступить нельзя и этим отворить татарам дверь в Дагестан. Здешнее государство в сильном расслаблении и совсем увязло в Азии, так что давно в таком дурном состоянии не было. Долго будет дожидаться такого удобного случая привести их в резон и смирить, а ложные их мнения о русской империи уничтожить, однажды навсегда покой себе доставить и пограничные свои народы от ига татарского освободить. Голландским послом мы чрезвычайно довольны и не сомневаемся в его доброжелательности и откровенности; не можем и на английского пожаловаться, только он не имеет здесь такого кредита; впрочем, довольно того, что он публично нашу сторону держит, и потому Порты не может считать цесаря очень слабым. Французский посол склоняет всячески Порты против цесаря, показывая его слабость, и советует как можно скорее помириться с Персиею, хотя бы отдавши ей все, потому что вместо тамошних пустых мест Порты может от цесаря в Сербии и Венгрии получить знатные выгоды. Французский посол предложил свое посредничество в примирении с Персиею, для чего французский консул Главани уже отправился к Тахмас-Кулы-хану. В Константинополе Вильнев внушает, что бояться России нечего, против нее довольно татар, притом же есть надежда возмутить Козаков; голландский посол нам сказывал, что сын Орлика, живший у французского посла под именем офицера, отправлен тайно на Запорожье или в Украину возмущать Козаков и хлопотать о их соединении с татарами. Но как бы то ни было, в нынешнем году турки никаким образом не могут начать военных действий в Европе, и вашему величеству предстоит решить вопрос, дожидаться ли, пока они освободятся от персидской войны, или теперь же наступить на расслабленные турецкие силы и укрепить персиян".

Пришли ответы на визирские письма и от принца Евгения, и от русского канцлера. Неплюев был встревожен разноречием, которое находилось в этих ответах. "Турки, - писал он, - не верят, чтоб между вашим величеством и цесарем в такой степени союз был, как мы показываем; толкуют они это по многим поступкам цесарского двора и, наконец, по письму принца Евгения, но, разумеется, еще сильнее поднимут толки, когда увидят письмо канцлера, в котором объявлено, что польские дела предприняты вместе с цесарем, и оборонительный союз выставлен в высочайшей степени, а в письме принца Евгения не только не написано, что цесарь в польских делах действует вместе с вашим величеством, но и союзницею цесаря ваше величество не названы. О письме принца Евгения здесь толкуют публично; английский посол при мне выговаривал

цесарскому резиденту, как это общим интересам предосудительно". Скоро Неплюев узнал, что хан в Бендерах, что при нем находится старый Орлик, назначаемый в козацкие гетманы. В России турки старались возмутить Козаков с помощью Орлика, в австрийских владениях венгров с помощью Рагоци; Неплюев успел достать любопытное письмо к этому венгерскому изгнаннику от Станиславова приверженца люблинского воеводы Тарло. "Ударил благополучный час, - писал Тарло, - просторнейших земель наследие перед вами; избавление паннонской вольности от ига германского приспело; мы получаем письма от многих благородных венгров, дают нам знать, что у них все готово к восстанию, только желают знаменитого вождя, и все надежды и мысли их обращены к вашему высочеству. Если бы венгерская и польская сила соединились вместе к защите общего дела вольности, то действительно могла бы сокрушиться наконец гордость владычества австрийского, тяжкая обоим народам и всему свету. Надеемся, что и русские народы, которые отягощены владычествующею у них австрийскою факциею и германским министерством, дерзнут что-нибудь предпринять у себя; мы не преминули побуждать их к великодушному усилию сладостью вольности и всеми другими способами, о чем сообщит вам в Константинополе посол французский".

1 марта Неплюев имел конференцию с визирем, пред началом которой подал ему ответное письмо канцлера и согласно с его содержанием распространился о миролюбивых намерениях России и о правильности ее действий в Польше, о согласии их с договором, существующим у России с Портою. Визирь отвечал на это, что они сами получают частые и верные известия о том, что делается в Польше, знают очень хорошо, что там вольность в неволю превращена, законы попораны, государство разорено и разоряется русскими войсками; договор нарушен; Россия одна ввела свое войско и хочет посадить короля по своей воле. Неплюев отвечал, что все эти известия ложны, выдуманы французами и станиславцами, пусть турки спросят людей беспристрастных, как делаются дела в Польше.

Между тем крымский хан уже начал неприятельские действия: сделал набег на русские владения к реке Орели. Это заставило обратить внимание на Запорожье.

Мы видели, с какою осторожностью русское правительство относилось к запорожцам, просившим принять их снова в подданство.

В январе 1732 года генерал Вейсбах доносил, что вследствие тайной посылки его в Запорожье за поверенными для выслушания указа о прощении их вин явились к нему трое знатных запорожцев, которые спрашивали: что им делать, если крымский хан будет от них требовать отряда в кабардинский поход или велит им переходить на другое место, ближе к Крыму? Вейсбах отвечал, что он сам отвечать им не может, а спросит в Петербурге. При этом генерал спросил, сколько у них войска. Запорожцы отвечали, что много, добрых и вооруженных соберется до

10000 человек. О быте запорожцев в это время было известно, что в Сечи находилось 38 куреней, а людей с полторы тысячи; другие запорожцы кочевали куренями по рекам Бугу, Великому Ингулу, Исуни, Ингульцу, Саксагани, Базулуку, Малой и Великой Каменкам и по Суре, а по южную сторону Днепра - по рекам Протовче, Самаре и по самому Днепру, по обоим берегам, начиная от границы по самое устье.

Из Петербурга на спрос Вейсбаха отвечали в марте: "Грамоты от нас к запорожцам и никакого письменного обнадеживания послать и их всех вдруг в подданство принять в настоящее время, когда у нас с турками мир еще твердо содержится, нельзя, ибо такой поступок турки могут почесть нарушением мирного договора, в котором запорожцы означены в турецкой стороне, и особливо то место, на котором они живут, и прочая земля от самой Самары-реки вниз Днепра уступлена Порте, а они, запорожцы, не захотят отказаться от своих вольностей, звериной и рыбной ловли и перейти жить в наши границы. Поэтому вы должны с ними поступать по нашим прежним указам, делая им при всяком случае тайно словесные обнадеживания, что после при удобных обстоятельствах мы их примем, но чтоб до тех пор имели терпение. Внушите им, чтоб они всевозможными способами уклонялись от посылки вспомогательного отряда к хану в кабардинский поход, но если отговориться будет никак нельзя, то пусть отправят часть козаков и накажут им тайно, чтоб они, приближаясь к Кабарде, отправили от себя кого-нибудь в крепость св. Креста к тамошнему командиру с уведомлением, сколько в походе крымских, кубанских и других войск, и их, запорожцев, хан ли сам или какой султан командует, и с каким намерением идут на Кабарду, и что командир крепости им прикажет, то б они и делали. Что же касается ханского намерения переселить запорожцев на другую сторону Днепра, ближе к Крыму, то в случае их сопротивления хан станет искать способа накрепко прибрать их всех в свои руки или под предлогом ослушания разорить их, и с нашей стороны тогда им, пока у нас мир с турками, никакой помощи подать или прямо в подданство принять нельзя; и потому здесь рассуждается, что им противиться хэну ненадобно, пусть переходят без спора; находясь поблизости к Крыму, они могут удобнее против него действовать. Впрочем, все это полагается на вас: вы о тамошних местах можете знать лучше". Теперь церемониться более было нечего, и запорожцев приняли в подданство.

После сдачи Данцига Неплюев писал: "Если ваше величество успеете в нынешнем году польские дела совершенно успокоить, то не лучше ли в будущем году турок остановить, не дожидаясь, когда персияне, утомясь, склонятся к миру с ними, ибо слабость персидская видима, а если вы начнете с турками войну, то персияне могут ободриться, и можно будет подать им помощь; персидская война туркам тягостнее, чем союз цесаря с вашим величеством и его помощь России, потому что Персия всю Азию завязала. Если же турки во время европейской войны от персиян освободятся, то все свои силы употребят против вашего величества, потому

что хотя бы и против немцев начали, то тягость войны, по бессилию немцев, все же ляжет на Россию. Предоставляю высокоумудрому соизволению вашего величества заблаговременно принять меры к укрощению этих варваров, чтоб, не выпустив их из персидской войны, привести в резон и Российской империи покой доставить, потому что теперь еженедельно пленных подданных вашего величества привозят; мы требуем у турецких министров их выдачи, но они, не отказывая, кормят завтраками, давая время хозяевам укрывать пленных. Что касается английского посла, то как мы ни старались его и переводчика его удобрять, однако, кроме словесной ласки и некоторых публичных дел, едва ли много успели, а цесарский резидент не понимает или понимать не хочет; нам же и всему здешнему свету видимо, что его турки спать кладут, желая государя его отлучить от союза с Россией". Вслед за тем Неплюев писал: "Английский посол лорд Кинуль, последуя переводчику своему Луке Кирику, обращается с нами, с голландским послом и с римско-цесарским резидентом, волком в овечьей коже, отдавшись турками французскому послу в руки: нам дал знать, что вел разговор с визирем в оправдание поступков вашего величества, а на самом деле Россию во всем обвинял. Порту во всем оправдывал; только уговаривал ее не разрывать с Россией и обратиться о всех делах письменно к английскому королю, который по своему могуществу держит всю Европу в равновесии и в состоянии заставить одуматься и Россию и Австрию, тем более что ему союз России с цесарем небесподозрителен и самовластие России в польских делах неприятно. Трудно себе представить поведение английского посла: по письмам князя Кантемира из Лондона лорд Кинуль получает крепкие указы от своего двора, чтоб был с нами в тесном согласии и дружбе и удалялся от французского посла, но он еще чаще бывает у Вильнева и с Стадницким ежедневно публично и приватно везде пьет. и ест, то сам к нему, то Стадницкий у него, и всем станиславцам сходбище и лучший прием у английского, чем у французского посла".

В ноябре 1734 года Неплюев писал: "Порта увидала, с одной стороны, что французы до Саксонии и тем менее до Вены не дошли и на успех Станислава надежду потеряли; с другой стороны, Тахмас-Кулы-хан уязвил их за живое своим вступлением в Ширван, и потому кажется, что Порта не признает полезным вмешаться в европейскую войну, пока не окончит дела с Персиею; вот почему она молчит и о переходе запорожцев в подданство вашего величества и желает только, чтоб они были переведены внутрь границ России, называя ту землю, где они теперь живут, своею, что по договору и действительно так".

В начале 1735 года из Константинополя приходили те же вести: "Визирь, приятели его и враги и все вообще рассуждают, что Порте нельзя с христианскими державами, и особенно с Россией, войну начинать; и французы теперь к возбуждению турок иной путь приняли, только пугают их, что Россия тотчас по окончании польских дел нападет на них и потому они должны для своей безопасности приготовить к обороне границы, и

Порта находится в большом затруднении: приготовлениями к войне боится возбудить подозрение обоих императорских дворов, а не готовиться также опасно в случае нападения, ибо турки знают, сколько досад наделали России и Австрии, которые с своей стороны знают, что если турки не объявили им войны, так единственно по бессилию. Визирь наконец решился приводить границы в оборонительное положение, но при этом распускать слухи, что Порта не имеет никакого злого намерения против императорских дворов". Но при этом Неплюев не переставал жаловаться на поведение английского посла. 19 марта приехали к русскому резиденту австрийский резидент Тальман и голландский посол Калкун, причем последний жаловался, что терпит сильные притеснения от турецких министров по согласию их с французским и английским послами и не видит способа быть здесь полезным общему благу, пока лорд Кинуль и переводчик его Лука Кирик, злой инструмент, не будут удалены из Константинополя, и если этого нельзя добиться у английского короля, то он писал Штатам, чтоб отозвали его, Калкуна.

За болезнью Неплюева помощник его Вешняков был в конце марта на конференции у визиря, который требовал, чтоб русские войска не занимали Каменца; при этом визирь, улыбнувшись, спросил: "Какая же эта польская воля, которая должна быть ненарушима, когда поляки такую силою принуждаются к тому, к чему явно не имеют склонности?" Вешняков отвечал: "Во всяком обществе обыватели должны иметь волю, однако не такую, чтоб всякий делал, что хотел по прихоти своей; воля должна быть не такая, как у диких зверей, но рассудительная, законами дозволенная; такая воля в Польше сохранена верными и законными детьми отечества и высокою защитою ее императорского величества". На это визирь сказал, что он в спор вступать не намерен, оставляя делам идти как идут; однако он знает, как что идет.

Визирь знал, как что идет, и готовился к войне; из этих приготовлений самым опасным в глазах Неплюева и Вешнякова было образование регулярного войска, совершавшееся с помощью ренегата Бонневаля и двоих его товарищей, также французов-ренегатов. Вешняков писал императрице от 30 апреля: "Нельзя без ужаса смотреть на следствия этого дела для всего христианства, и особенно для соседних Турции держав. Одно средство помешать делу - это удалить Бонневаля с двумя его товарищами из Турции; сделать же этого иначе нельзя, как если бы одна из христианских держав перезвала их к себе на выгодных условиях. Бонневаль сильно жалуется, что несчастье и французский посол довели его до такой напасти против его желания и намерения; сильно тяготится он, что, будучи человеком таких великих способностей и достоинств, находится между такими варварами и совершенно неведущими скотами. Вышеписанных ради резонов господин контр-адмирал и резидент Неплюев я приемлем дерзновение вашему величеству донести, не изволите ли повелеть предложить чрез голландского посла свой покров и убежище этим французам для общего блага".

Дела пошли к развязке скорее, чем ожидали русские резиденты: 15 мая они донесли, что Порты приняла решение отправить крымского хана с 70000 войска в Персию опять через русские владения, и все представления, сделанные на этот счет Вешняковым визирю, остались напрасными. Английский посол высказал Вешнякову свое мнение, что Россия могла бы пропустить татар, находясь в нейтралитете, и что он это мнение свое передал и визирю. "Не знаем уже, как с сим министром быть, ибо так явно и бесстыдно злодействует", - писал Вешняков. Переводчик Порты сказал одному из русских приятелей: "Удивляюсь, что же русские резиденты спали! Порты о Кабарде, о дагестанских народах и о всех своих претензиях при всяком случае упоминала, следовательно, ждала только благоприятного времени одно за другим отыскивать и теперь дождалась этого времени, а прежде всего она должна окончить свои персидские дела". Визирь объявил всем иностранным министрам, что, не отправивши хана дагестанским путем, Порте нельзя никаким образом покончить персидской войны. Известие, полученное в Константинополе 21 июня, что Тахмас-Кулы-хан поразил турецкое войско при Эриване, заставило еще более спешить отправлением хана чрез Дагестан, потому что только этим средством надеялись отвлечь победителя. "При таком благополучном случае, - писал Неплюев, - от вашего величества зависит смирить турецкую гордость, ибо они при вступлении хотя малого русского корпуса в их землю принуждены будут у вашего величества мира просить и постановить выгодные условия с переменою договора, если на конечную свою гибель не ослепнут. Сей неприятель день и ночь умышляет на зло против вашего величества, ибо пред получением ведомости о поражении сочинили проект для посылки в Швецию с предложением союза против России. Если такого неприятеля при полезном случае не укротить и дать ему время поправиться, тогда надобно ожидать от него больших бедствий; неоднократно показали они, что при всяком хотя мало полезном для них случае змеиный свой яд излевать готовы. Если вашего величества соизволение будет на войну, в таком случае хотя бы паче чаяния и татары зачем не пошли, можно законные причины найти к ним привязаться, ибо Тахмас-Кулы-хан с ними скоро мира не заключит, тем более если услышит, что и Россия поднялась против них. Если же вашему величеству не угодно будет турок укротить войною, то самый верный способ удержать их - это показывать более готовности к войне, чем охоты к миру".

В июле резиденты уведомили о новой важной новости - свержении великого визиря Али-паши, причем Вешняков писал: "Кажется, всевышний к тому все предусмотрел, чтоб отдать их в волю вашего величества, лишив их последней надежды спасения, визиря Али-паши, как недостойных такого великого и дивного ума, единственного человека, имевшего истинное рачение о благе общем". Между тем английский посол получил от своего двора внушение, чтоб поведением своим не подавал повода к жалобам русского и австрийского резидентов. Лорд Кинуль явился к Неплюеву и Вешнякову с оправданиями, говорил, что его главная обязанность была служить обоим императорским дворам, ибо такова воля

его государя; что если он имел сношения с французским послом, так это единственно с целью иметь сведения о всех его движениях; польза его сближения с Портою очевидна: благодаря этому сближению до сих пор сохраняется мир; что же касается до Луки Кирика, то он оклеветан своими врагами, которых у него много, потому что он умнее всех других переводчиков, и если вы хотите, прибавил Кинуль, то я прекращу с французским послом всякие сношения. Неплюев отвечал ему, что они не смеют предписывать ему правил, как вести себя, но должны ему сказать, что его тесная связь с Вильневым и Стадницким истолкована при Порте так, что он по предписанию своего государя гораздо более сочувствует французским, чем австро-русским интересам; что же касается Луки Кирика, то он, Неплюев, вследствие долгого пребывания своего в Константинополе очень хорошо знает все отношения и не мог ошибиться относительно поведения переводчика английского посольства. Резиденты доносили, что внушения, полученные лордом Кинулем из Лондона, только раздражили его и Луку Кирика, и они будут теперь еще враждебнее действовать против императорских дворов и лично против них, Неплюева с Вешняковым; что теперь лорд Кинуль видится с французским послом вместо четырех только один раз в неделю, но это нисколько не изменило их прежних отношений; голландский посол дал знать, что лорд Кинуль принимает сильное участие в переговорах о союзе Турции с Швециею против России. Положение дел показалось резидентам так смутно после свержения Али-паши, что в июле месяце они почли за полезное передать всю имеющуюся у них денежную сумму (31250 левков) послам венецианскому, голландскому и цесарскому резиденту, на случай если лишатся свободы. В последнем случае доносить в Петербург о константинопольских делах они поручили своему приятелю - переводчику дубровицкому (рагузинскому) Андрею Магрини.

30 октября голландский посол сообщил Вешнякову важную новость: прискакал курьер с письмами очаковского паши, который доносит, что русские войска перешли Дон наступили в Кубанскую область, а другие в числе 80000 появились у Перекопи. Приехал другой курьер из Крыма с вестью, что русские войска в 19 часах пути от Перекопи, что запорожские козаки разорили одну татарскую деревню, из которой увезли 400 семей. При Порте засуетились, немедленно собрали совет из всех главных и второстепенных военных и гражданских чинов, и по окончании совета явился к Вешнякову от визиря переводчик Порты с требованием объяснения, что все это значит. Вешняков отвечал, что ничего не знает о движениях русских войск и если известия верны, то можно объяснить их тем, что императрица, не получая никакого удовлетворения по дружеским представлениям своим Порте, наконец, не будучи в состоянии сносить более татарских продерзостей, решила отомстить хану, ибо Порта в 1733 году и после давала знать, что Россия сама может управляться с татарами, но при этом Порта может быть удостоверена, что против нее ничего не будет предпринято, и, без сомнения, императрица охотно возобновит с нею мир на разумных условиях. Переводчик Порты, по словам Вешнякова, был

тих и в смятении. "Не могу изобразить, - писал Вешняков, - как велика здесь между министерством констернация, не знают, за что взяться и что делать, и потому можно ожидать, что если не будет бунта, то поступят умеренно и вступят в переговоры, на что буду склонять. Правительство сильно боится народа и потому начало таить ведомости и складывать вину на татар".

Итак, Россия начала неприятельские действия против Турции, когда еще Станислав Лещинский жил в Кенигсберге и не отказывался от польской короны, когда одно русское войско должно было еще занимать Польшу, а другое действовать на Рейне в пользу императора. Из донесений Неплюева мы узнали, что именно он своими представлениями должен был более всего заставить свое правительство спешить начатием неприятельских действий против Турции. С одной стороны, наглость Порты, рассчитывавшей на безнаказанность нарушения русской территории, должна была сильно раздражить русское правительство; с другой стороны, резидент доносит о слабости Порты, о возможности легко получить от нее удовлетворение, но только в том случае, если Россия будет действовать немедленно, чем побудит и персиян продолжать войну, которая обеспечит успехи русских войск. Отсюда понятно, что Россия должна была употребить все усилия, чтоб воспрепятствовать заключению мира между Персиею и Турциею.

С этой целью отправлен был еще в 1733 году в Персию чрезвычайным посланником князь Сергей Дмитриевич Голицын. На дороге узнал он о заключении мира между Персиею и Турциею, бросил свой багаж и налегке поехал для свидания с Кулы-ханом, чтоб, "смотря по состоянию обстоятельств, всякими пристойными способами домогаться его не только против турок поощрять, но и к разрыву мира привести". В мае 1734 года Голицын приехал в Испагань и начал конференцию с доверенным человеком от Кулы-хана Хулефою. "Хотя я, - писал Голицын, - всячески стараюсь, чтоб поощрять Кулы-хана к разрыву с турками, однако встречаю при этом немалые трудности: Кулы-хан - человек гордый, величавый и не любит, когда от него настойчиво чего-нибудь требуют, поэтому надобно с ним обращаться очень осторожно. Хлопотал я, чтоб он обязался без сообщения России не принимать от турок никаких предложений и не заключать мира, а если турки начнут войну с Россиею, то и он должен ее начать: сначала он согласился, но потом ежедневно начал присылать новые запросы, проводя только время". Голицын предложил помощь Персии с русской стороны; Кулы-хан отвечал: "Очень благодарен и на дружбу русскую благонадежен; только теперь не хочу отягощать своих приятелей, да и не могу понять, каким образом эта помощь может быть мне доставлена: к Багдаду русские войска не пойдут, разве к Шемахе. Но если обстоятельства принудят меня разорвать теперь мир с турками, то надеюсь и без посторонней помощи с ними управиться, и, если буду счастлив, побью их и вступлю в Анатолию, то и Россия может напасть на турок с другой стороны, и кто что себе добудет, то у него и останется". По мнению

Голицына, Кулы-хана побуждало к миру печальное состояние Персии: народ разорен войною, всякий должен отдавать последнее: в войске Кулы-хана не любят, так что едва ли не всякий желает ему гибели, держится он одним страхом: за малые вины казнят смертью, давят, и это случается каждый день в его присутствии. Кроме того, Кулы-хан сильно сердится на русское правительство за то, что оно не отдавало Персии Баку и Дербента, выставляя условие мирного договора, что эти города будут отданы тогда только, когда Персия совершенно освободится от неприятеля. Когда Голицын жаловался Кулы-хану, что персидский сердарь требует от русских властей высылки в персидские границы кочевых народов, находившихся до сих пор под покровительством России, то Кулы-хан отвечал, что эти народы - подданные персидские, которые приходят к нему теперь сами, и отгонять их от себя неприлично, точно так как с русской стороны удерживать их не следует, и когда Голицын продолжал настаивать на недружелюбности этого поступка, то Кулы-хан с сердцем отвечал: "Полно говорить о таком малом деле; послу о соломе представлять неприлично, а мне слышать стыдно; надобно о другом важном деле говорить; ты прислан от такой великой монархини, и все говорили, что имеешь полную мочь, а между тем не можешь отдать таких малых и разоренных городишков, как Баку и Дербент, отговариваясь, что не имеешь полномочия; вижу давно, что ваша дружба только на словах; я вас испытал. Вы мне с вашею мнимою помощью наскучили; помощь эта только на словах; сам рассуди: если я от вас потребую теперь только десять тысяч войска, то знаю, что вы этого мне дать не можете. Полно меня обманывать! Благодарю бога, что мне в вашей помощи нужды нет, особенно теперь, когда я помирился с турками. Поэтому объявляю, что, соединясь с ними и с другими мусульманскими народами, с разных сторон пойдем войною против России до самой Москвы. Я был на турок сердит и хотел идти на них войною, но вы принудили меня остановиться, потому что Баку и Дербента и требуемых мною людей не отдаете и ни в чем другом не соглашаетесь. Предлагаю вам два дела, одно легкое, другое тяжелое: первое - без всякой отговорки выдайте мне моих бунтовщиков: Даргу-салтана, Юз-башу-мусу-бека и Али-Кулы-хана; за это пойду отбирать турецкие города Генжу, Тифлис, Эривань, и, когда трубы мои затрубят в этих городах, тогда пошлю к русским командирам с требованием отдачи Баку и Дербента, и надеюсь, что по силе Ряцинского договора мне их отдадут без всякого отлагательства и затруднения. И за то, что получу эти города прежде времени, даю на себя вечную кабалу никогда не мириться с турками; прямо отсюда пойду в Константинополь, а вы, если хотите, ступайте с другой стороны, и если возьму города с той стороны, то отдам их вам: ибо когда бог меня так возвысил, то я в покое сидеть не умею". Кулы-хан требовал, чтоб Голицын немедленно отправил в Петербург за ответом и чтоб этот ответ пришел до получения ратификации мира с турками.

Персидское войско действительно осадило Генжу, но по неискусству в осадном деле не могло скоро взять ее. Голицын, находившийся в войске при Кулы-хане, счел эту медленность противною русским интересам,

потому что турки могли усилиться, и потому предложил Кулы-хану под рукою помощь для скорейшего отобрания турецких крепостей. В начале ноября он обратился к генералу Левашову, находившемуся в Баку, и тот прислал ему инженерного офицера и четырех бомбардиров, которых Голицын одел в персидское платье. Кулы-хан был очень доволен, а 16 декабря Голицын объявил ему, что императрица, имея полную надежду на скорое очищение Персии от неприятелей, согласна и до истечения срока возвратить ему остававшиеся в русском владении персидские города под тем условием, что города эти никогда не будут отданы в неприятельские руки и что Кулы-хан свято исполнит Рящинский договор, по которому обязан признавать неприятеля России своим собственным неприятелем и письменно подтвердить данное ему, Голицыну, обещание наисильнейшим образом стоять против общего врага. Кулы-хан так обрадовался, что изменился в лице, и объявил, что готов все сделать, чтоб отблагодарить императрицу за такую милость, пусть императрица располагает им как своим последним слугою, и, обратясь к стороне Генжи, крикнул: "Горе вам! Не только вы все, но и сам ваш султан погибнет от персидской сабли, если бог продолжит мою жизнь".

В 1735 году Кулы-хан продолжал войну с турками, но не мог взять Генжи, что приводило в сильное беспокойство и его самого, и Голицына. Летом, оставя небольшое войско под Генжою, Кулы-хан отправился к Карсу и в двух битвах поразил турецкое войско. После этого благоприятного оборота дел Голицын отправился в Россию, так как заключен был окончательный договор с персидским правительством и русские войска очистили Баку, Дербент и даже крепость Св. Креста. Таким образом, из Персии приходили благоприятные известия, что Кулы-хан будет воевать с турками, и это заставляло склониться на представления Вешнякова о выгоде немедленного начатия войны с Портою в расчете на легкость и непродолжительность этой войны. Мы видели, что в Петербурге уже давно хотелось начать ее: отдали Персии области, завоеванные Петром Великим, и как ни оправдывали эту отдачу тем, что эти области вместо пользы причиняют страшный вред, служа кладбищем для русского войска, однако было очень неприятно начинать царствование уступками приобретений великого дяди; поэтому желалось вознаградить себя за эти уступки приобретениями со стороны Турции, желалось возвратить то, что было уступлено Петром, изгладить таким образом бесчестие Прутского мира. Миних сильно желал турецкой войны, желал славы, которая необходимо приносила с собою силу, и рассчитывал на верные и полные победы, тогда как последние данцигские лавры были не без терния: роковое слово "Гагельсберг" было постоянно в устах врагов фельдмаршала. "Россия находилась тогда в самых благоприятных обстоятельствах, которые могли обещать ей верный успех в предприятии. Казна была полна, войско в хорошем состоянии, и при государственном устройстве соседних европейских государств (Польши и Швеции) их нечего было опасаться; не было опасности и со стороны Азии. Анна взошла на престол с твердым намерением следовать правилам своего дяди Петра I, совершить начатое

им, опираясь более на честность и способность иностранцев, чем природных русских. При таком повороте (ибо до Анны вельможи, в руках которых находилась власть, старались только в том, чтоб разрушить начатое Петром В.) почли нужным армию и всю нацию занять чем-нибудь внешним и вместе следовать плану Петра I. И так как теперь приняли за основание не увеличивать более своих пределов на счет европейских государств, а только удерживать их при существующем правительственном устройстве, то и обратились к востоку". Желали войны, но непродолжительной; хотели напугать турок и заставить их исполнить требования России, поэтому Остерман в письме к великому визирю объявлял, что императрица поступками турок и татар вынуждена употребить силу, но употребляет ее с сожалением, и только для того, чтоб установить мир на прочных основаниях; если, следовательно, Порта также желает мира, то должна выслать на границы полномочных министров для переговоров.

23 июля Миних получил грамоту от кабинет-министров, что императрица желает предупредить турок, которые намерены будущею весною наступить на Россию со всеми своими силами; что на него, Миниха, возложено нынешнею же осенью предпринять осаду Азова, для чего он должен прямо из Польши идти к Дону, а в Польше распорядиться так, чтоб его отсутствие не могло принести делам никакого вреда. В Польше должно было оставаться 40000 войска. Кабинет-министры требовали от Миниха, чтоб он содержал все дело в величайшей тайне, от которой особенно зависит успех. "Повеление об азовской осаде, - писал Миних императрице, - принимаю я с тем большею радостью, что уже давно, как вашему величеству известно, я усердно желал покорения этой крепости, и потому жду только высокого указа, чтоб немедленно туда двинуться; при этом я надеюсь, что сделаны уже все приготовления к осаде, о которых предложено несколько лет тому назад и для которых генерал-квартирмейстер Дебриньи отправлен на Дон. Что касается войны, то сам я об этом деле ни с кем не говаривал и ни малейшего повода к подозрению подавать не буду, но поляки и министры иностранные имеют известия из Константинополя о турецких декларациях, и люди недоброжелательные, которых ежедневно можно встретить в королевской, передней, и здесь, точно так же как в Кенигсберге и Берлине, ласкают себя надеждою, что нам войны с турками не миновать".